

Лившиц Рудольф Львович

Имитация науки

Полемические заметки

12+

Рудольф Лившиц

**Имитация науки.
Полемические заметки**

«Автор»

2021

Лившиц Р.

Имитация науки. Полемические заметки / Р. Лившиц —
«Автор», 2021

На конкретных примерах исследуются неподлинные формы бытования науки. Анализируются различные проявления имитации научного дискурса, выявляются их квалифицирующие признаки. Предлагается единый критерий разграничения науки и как-бы-науки. Рассмотрены идеологические aberrации в текстах, претендующих на научность. Отстраненно-сциентистское изложение материала сочетается с приемами, характерными для публицистики. Книга адресована всем, кому не безразлична судьба науки.

© Лившиц Р., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Объяснение с читателем	5
Вступление	13
Ложная мудрость эскапизма[9]	13
Часть I. Лики науки	22
Наука в парадигме российского неолиберализма[20]	22
Объективность науки и ангажированность ученого[45]	33
Пределы субъективности ученого[72]	45
Формы имитации науки[101]	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Рудольф Лившиц

Имитация науки. Полемические заметки

Объяснение с читателем

Времена не выбирают, но смысложизненные ориентиры – всегда предмет выбора. Одни ищут тихую гавань, где можно было бы укрыться от волнений и тревог, на которые неизбежно обрекает себя человек, вовлеченный в социальную борьбу. Этой гаванью может стать что угодно: коллекционирование монет, выращивание пчел, рыбалка, садоводство, здоровый образ жизни... Нет, я не намерен осуждать увлечение нумизматикой, ловлей рыбы, выращиванием крыжовника на собственном участке. Обеими руками за здоровый образ жизни и не одобряю тяги к никотину и тем более к алкоголю. Не могу я принять одного – подмены бытия бытом.

Другой сорт людей, которые мне глубоко антипатичны, – флюгеры, приспособленцы, конформисты. Принципов у них нет, есть лишь представление о собственной выгоде. В советскую эпоху выгодно было иметь партбилет – и они стройными рядами вступали в КПСС. Сменилась эпоха – и все они в мгновение ока развернулись на 180 градусов. На конформиста невозможно положиться ни в одном серьезном деле, ибо он всегда внутренне готов к предательству. Он разругает хорошую работу, если это лично ему выгодно, и выскажется с похвалой о какой-нибудь очевидной дряни.

Вот классический пример. Представьте ситуацию. Идет защита докторской диссертации. Работа не просто плоха, она безобразна. Нет ни внятной идеи, ни ее сколько-нибудь серьезной разработки. Диссертант не владеет навыком грамотного письма. Текст диссертации кишит блохами. На каждой странице – масса ошибок всех видов – стилистических, грамматических, пунктуационных, смысловых и всех прочих, какие только можно себе вообразить. Речь диссертанта косноязычна, убога, замусорена канцеляритом. Члены диссертационного совета с самым серьезным видом все это выслушивают, задают вопросы и т. п. Но наступает момент, когда нужно давать публичную оценку. И вот держит речь один из ученых мужей:

«Коллеги, я считаю, что нам необходимо коллективно как-то отнестись к тем раздражающим отзывам, которые были сделаны. И здесь усматриваю одну вещь. Есть такой факт, все-таки, профессиональный язык, и мы должны как бы ответить для себя, нам понятно, о чем пишется, или не понятно. Для меня то, что пишет автор, понятно, термины в определенной традиции, они устоялись. В том числе мы видим... вот это зависит от научной направленности или квалификации. Мы давно используем понятие “конструирование реальности”, это классический термин. Там, проточная культура, ну, благодаря Бляхеру он уже лет десять введен в оборот. И тому подобное. С этой точки зрения, ну, как бы смотреть на диссертацию с филологической точки зрения можно, но при этом надо учитывать все-таки и внутридисциплинарную традицию использования терминов. Вот поэтому я считаю, что эти замечания мои... считать их как основанием считать диссертацию как несостоявшуюся нельзя, именно с этой точки зрения. Ну, а дальше я принимаю данную диссертацию как определенный способ решения задач. Я сам придерживаюсь несколько других научных традиций, но вынужден признать, что вот эта эвристика накладывания идеи символического конструирования на решение социальных проблем, она имеет свою эвристику. Впрочем, для меня вот само... сама защита показательна, что это не приводит к эффективным

научным результатам, т. е. автор не дает рецептов, вообще говоря, чего мы хотели бы ожидать. Но это не упрек автору, а скорее, той традиции, на которой стоит исследователь. Но в данном случае этот результат для меня в этом отношении значимый. Поэтому я буду голосовать за. Это для меня – усиление критического подхода вот к идее символического конструирования».

Спору нет, «всякая эвристика имеет свою эвристику», но вопрос в другом: если диссертация «не приводит к эффективным научным результатам», т. е. является совершенно пустой и никчемной, то почему ты голосуешь «за»?

Как уже понятно читателю, приведенный пример взят из реальной жизни, это цитата из распечатки диктофонной записи защиты докторской диссертации Г. Э. Говорухина «Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона: социологический анализ». Защита состоялась 19 ноября 2019 г. в Хабаровске в диссертационном совете ДМ 212.294.04 при Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ). А выступавший, чьи слова я процитировал, – доктор философских наук, профессор С. Е. Ячин, некогда мною уважаемый. За профессионализм, несомненную литературную одаренность¹, широту научных интересов, организаторские способности. Подробный разбор бессмертного труда Г. Э. Говорухина был мною сделан в том же 2009 г.² и лично вручен С. Е. Ячину еще до защиты. Сергей Евгеньевич не мог не понимать, за *какой* труд голосует, *кому* дает пропуск в большую науку. Жизнь поставила профессора Ячина перед выбором между истиной и выгодой. Голосование «против» создавало для него определенные проблемы. Проголосовать принципиально – значит подпортить отношения с председателем совета И. Ф. Ярулиным, а также с Л. Е. Бляхером, учителем и другом диссертанта. Согласитесь, представлять на защиту диссертации своих аспирантов в тот совет, где личные отношения с председателем ничем не омрачены, – дело весьма надежное и удобное. Мотивы, побудившие С. Е. Ячина пойти против научной совести, житейски объяснимы. Это как раз тот классический случай, который констатировал К. Маркс³: научное познание подчиняется внешним для него интересам. И это как раз то, что вызывает у меня резкое неприятие, то, с чем я не могу примириться и не намерен примириться.

Победа контрреволюции в 1991–1993 гг. нанесла гигантский урон не только производственным силам нашего общества. Она повлекла за собой и огромные духовные потери. На мой взгляд, самая тяжелая из них – девальвация ценности честного созидательного труда и вместе с ним эрозия профессиональной чести. В обществе, где все измеряется деньгами, – а именно таким является по самой глубокой своей сути капитализм – главная доблесть человека – не умение добросовестно трудиться, а способность «срубить бабла». Конечно, во все времена существуют беспринципные карьеристы, рвачи и халтурщики. Но в советском прошлом карьеризм, рвачество, халтура отвергались как общественным сознанием, так и официальной идеологией. Становление капиталистического базиса в современной России вызвало соответствующие изменения в надстройке. Алчность более не воспринимается как порок, стремление к карьере любой ценой перестало быть предметом осуждения, деловой успех служит высшим оправданием любой деятельности – даже той, которая не отвечает минимальным критериям качества. Бесталанные писатели, безголосые певцы, бездарные режиссеры – вот герои нашего времени, вот кто заполнил все пространство культуры в современной России. Ком-

¹ Да-да, за несомненные литературные способности. Не судите по этому выступлению. Речь любого златоуста становится сбивчивой и путаной, когда ему приходится лгать и изворачиваться.

² См.: Лившиц Р. Л. Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды. Пособие для аспирантов. М.: ВЛАДОС, 2009. 256 с.

³ «Человека, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами, такого человека я называю “низким”» (Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. II. С. 125).

мерческие суррогаты вытеснили высокую культуру на периферию общественной жизни. Бодряческая риторика власти все более расходится с реальной жизнью. За фасадом буржуазной демократии – феодальная по существу надстройка. Гламурная рекламная картинка заслонила грубую действительность.

Не могли эти процессы не затронуть и такой специфической сферы культуры, как наука. И здесь мы видим то же самое: размывание критериев профессионализма, вытеснение настоящей науки суррогатами, подмену науки ее имитацией. У многих честных исследователей такие вещи вызывают неприятие, отторжение, протест. Они вполне искренне осуждают проституирование науки, но... в частных разговорах. Когда нужно открыто высказать отрицательное мнение, они порой празднуют труса.

Позволю себе в указанной связи личное воспоминание. В 2005 г. во Владивостоке состоялась защита одной докторской диссертации. Претендентом на докторскую степень была Л. А. Васильева, журналист по профессии. Мне пришлось выступать на защите в качестве официального оппонента. Внимательно изучив пятисотстраничный труд, я пришел к выводу, что диссертация к науке отношения не имеет, поскольку представляет собой закамуфлированное под научный трактат публицистическое сочинение. Да, в работе присутствуют внешние признаки научности, но фактически изложение подогнано под заранее известный результат. Автор не понимает элементарных вещей, занимается натягиванием совы на глобус, не в ладах с логикой и методологией. В отзыве⁴ я постарался обосновать свое мнение, приведя соответствующие аргументы. Другие официальные оппоненты дали положительное заключение. Что ж, это их право. После выступления официальных оппонентов состоялось, как полагается, обсуждение работы. Ни один член диссертационного совета не разделял моей позиции. Все дружно хвалили диссертацию, находя ее серьезным вкладом в науку, оригинальным по замыслу и исполнению и к тому же открывающим новые пути исследования. Все эти дифирамбы я слушал со все возрастающим удивлением: почему я ни одного из этих достоинств не смог обнаружить? В чем заключается вклад диссертанта в науку? Какие проблемы в работе глубоко проанализированы? И какие новые горизонты исследования она открывает? Я не настолько наивен, чтобы считать свою точку зрения единственно верной. Но скажите всего святого ради: в чем я заблуждаюсь? Где моя ошибка? Почему я не вижу того, что видят другие? Голосование полностью соответствовало характеру и тону выступлений в ходе дискуссии: все члены совета признали, что диссертация соответствует предъявляемым требованиям. После защиты один из членов совета в приватном разговоре сделал такое пояснение: «Работа, конечно, ни к черту не годится, ты это хорошо показал. Но, видишь ли, Васильеву продвигают очень важные персоны, с ними ссориться – себе дороже». Извините, но я такой логики не понимаю и понимать не желаю. Когда я вместе с другими пассажирами занимаю место в салоне самолета, надеясь в срок и без приключений добраться до места назначения, я исхожу из того, что пилоты сдали настоящий экзамен на летное мастерство, что им никто никакой поблажки не давал, что никакие высокие покровители не оказывали давление на экзаменаторов. То есть я жду от людей, которые занимаются подготовкой летчиков, честности, принципиальности, профессионализма. Точно так же я вправе рассчитывать, что в медицинских вузах ко всем студентам предъявляются одинаково строгие требования. Иначе как я могу доверить свое здоровье врачам? И даже переступая порог парикмахерской, где мне предстоит привести в порядок остатки волос, я надеюсь, что мастер имеет должный уровень подготовки. Хотя прическа – вещь бесконечно менее значимая, чем здоровье, но все-таки лучше, когда тебя стрижет толковый мастер. И так рассуждает любой разумный человек. Но тот, кто требует добросовестности от других, не вправе занижать планку требований для себя. Невежда, получивший ученую степень, представляет не меньшую общественную опасность, чем пилот, который не освоил азы самолетовождения.

⁴ См.: Лившиц Р. Л. Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды. С. 226–236.

Конечно, ошибка липового доктора политических или социологических наук не может привести к гибели нескольких сотен человек, как это происходит в случае ошибки пилота. Но проникновение в науку случайных людей подрывает сам этот социальный институт, разрушает его основы, ведет к его перерождению. И такая перспектива не может не вызывать тревоги, ведь наука – не просто одна из форм духовного освоения действительности, а – без преувеличения – несущая конструкция современной цивилизации. Вся материальная среда, в которой мы живем и вне которой жить уже не можем, создана наукой и поддерживается в исправном состоянии благодаря ей. Люди сохраняют способность к здравомыслию и умение противостоять стихийным проявлениям неконтролируемых эмоций, потому что в процессе воспитания и образования прошли школу рационального мышления. Деграция института науки – вещь чрезвычайно опасная, это прямой путь к всеобщему моральному одичанию и разрушению всей материальной «брони цивилизации»⁵. Противодействие столь негативной тенденции – прямой долг всякого мыслящего человека, осознающего свою ответственность перед историей. Таково мое убеждение, и именно им я руководствовался 20 лет назад, когда стал пристально изучать феномен имитации науки. За это время в разных научных изданиях мною было опубликовано несколько десятков статей, в которых рассматривались разные грани этой темы. Ей же посвящена упоминавшаяся ранее книга. Ни одна из моих работ не написана по принципу «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Такого рода абстрактная, безадресная, беззубая критика – совершенно не в моем стиле. Я привожу цитаты, иногда вынужденно обширные, при необходимости подробно разбираю тексты, указываю, разумеется, источники, в общем, действую в полном соответствии с нормами научной критики и научной этики. И я, как член научного сообщества, публикуя к тому же свои работы не в популярных СМИ, рассчитанных на неосведомленную публику, а в уважаемых научных изданиях, вправе ожидать ответной критики. Лишь глупец может питать иллюзию собственной непогрешимости. Нормальный человек всегда допускает возможность своей неправоты. Само устройство науки таково, что ее развитие происходит только через взаимную критику. И что же? За эти годы на мои труды появилось всего лишь два критических отзыва. Один принадлежит Ю. С. Салину⁶, другой – Б. В. Григорьеву⁷. Пользуясь случаем, выражаю им обоим благодарность. Остальные авторы, работы которых я подвергал критике, подчас весьма нелицеприятной, хранят полное молчание. Чем это можно объяснить? Либо мои аргументы столь убедительны, что возразить против них нечего, либо они настолько ничтожны, что их и разбирать не стоит? Если верно первое, имейте мужество публично признать мою правоту, если второе – потрудитесь все-таки показать, в чем я заблуждаюсь. Молчание в ответ на критику трактуется в науке как поведение, не соответствующее нормам научного этикета. Такое молчание не может не восприниматься как косвенное доказательство того, что лица, ставшие объектом моей критики, действительно занимаются лишь имитацией науки.

Логика развития ситуации привела меня к выводу, что настала пора объединить мои разрозненные материалы, посвященные теме имитации науки, в нечто целое. Поначалу было намерение просто составить сборник опубликованных статей. Но после некоторого размышления от этого намерения пришлось отказаться. Главным образом из-за того, что такой сборник не обладал бы необходимой внутренней цельностью. Работы писались в разное время и по разным поводам, печатались в разных изданиях с не совпадающими требованиями к оформлению как основного текста, так и справочного аппарата. К этому следует добавить, что и в жанровом отношении они неоднородны; в них к тому же встречаются неизбежные в подобных случаях повторы и параллелизмы. При таких обстоятельствах концептуальная целостность книги была

⁵ Выражение В. П. Казначеева.

⁶ Полемика с Ю. С. Салиным приведена в настоящей книге на с. 146–158.

⁷ Полемика с Б. В. Григорьевым отражена в настоящей книге на с. 276–287.

бы неизбежно затемнена случайными факторами. Такова главная причина, заставившая меня сделать выбор в пользу монографии.

Замысел настоящей книги состоит в том, чтобы эксплицировать сущность имитации науки, на конкретных примерах описать ее формы и виды, а также раскрыть некоторые ее аспекты. Как уже, надеюсь, понятно читателю, я не собираюсь прятаться за нейтрально-безличной манерой изложения. Напротив, принципиальные положения раскрываются мною на живом материале, в качестве которого выступают опубликованные общедоступные тексты. В отдельных случаях эти последние служат иллюстрацией развиваемых идей, но чаще являются непосредственным объектом анализа. Логика изложения иногда требовала обращения к материалам, находящимся в компетенции естественных наук. Такие случаи единичны и в целом для этой работы не характерны. Я окончил философский факультет университета, так что по образованию отношусь к чистым гуманитариям. Следовательно, моя подготовка явно недостаточна для того, чтобы компетентно судить о естествознании. Поэтому основное внимание сосредоточено на общественных науках.

Первая часть книги посвящена науке как сфере человеческой деятельности. Прежде всего я счел необходимым со всей решительностью отмежеваться от псевдомудрости эскапизма, наиболее полно, последовательно и красноречиво изложенной в знаменитом эссе С. Л. Франка «Смысл жизни». Да, это классическое произведение создано давно, почти век назад, но оно не устарело, ибо с тех пор никто более ясно и вдохновенно не обосновал мысли о суетности и второсортности всякой практически полезной деятельности.

Своей критикой эскапизма я хочу утвердить мысль о том, что наука, как и любая иная созидательная деятельность, – занятие, достойное того, чтобы посвятить ему свою жизнь. В этой критике нет еще, собственно, никакого анализа имитации науки, моя задача на данном этапе – обосновать свой нравственный выбор. Эта часть книги носит характер вступления, где я водружаю свое идейное знамя.

За вступлением следует основное содержание, состоящее из трех частей. В первой части речь идет о науке, ее различных гранях, во второй – о псевдонауке, в третьей – о как бы науке.

Первая часть открывается материалом, в котором подвергается критическому разбору неолиберальная концепция науки, сводящая последнюю к разновидности бизнеса. Неолиберализм трактует науку донельзя плоско и пошло, поскольку не видит главного – того, что она руководствуется надутилитарными, идеальными мотивами. Неолиберальная идеология не желает видеть, что наука представляет собой, в сущности, институализированную страсть к познанию. Затем мной исследуется природа (социально-гуманитарной) науки как противоречивого единства объективности и ангажированности. Наука рассматривается в книге как социальный институт, открывающий перед человеком великолепные возможности самореализации. Цель науки – отыскание всеобщей безличной истины, перед которой все равны. Но сам работник науки – вовсе не бесстрастный автомат, лишенный убеждений, предубеждений, симпатий, антипатий, предпочтений, человеческих достоинств и недостатков. Ученый стоит перед смысложизненным выбором: служить истине или использовать науку как инструмент решения прагматических задач. Таков комплекс вопросов, обсуждаемых в первой части.

Во второй и третьей частях рассматриваются различные варианты имитации науки.

Коротко суть моей позиции такова. Любое явление духовной жизни, любая сфера человеческой деятельности отбрасывает тень в виде неподлинного двойника. Так, есть литература, а есть графомания. Есть живопись, а есть и бесталанная мазня, есть философия, а есть мнимоглубокомысленное краснобайство. При поверхностном сходстве фальшивого двойника с подлинником их различия основательны и принципиальны. Не является исключением и наука. Здесь наблюдается то же самое: несовпадение видимости и сущности, воспроизведение внешних черт явления при игнорировании его глубинной сути. Именно такое копирование внешних

признаков науки при полном расхождении с ее действительной природой я и называю имитацией науки.

В литературе для различения настоящей науки и ее симулякров используется ряд понятий. Самые употребительные из них – лженаука и псевдонаука. Я еще коснусь данного вопроса⁸, пока же замечу следующее. Научный стиль не содержит абсолютного запрета на выражение эмоций, однако если есть выбор, то лучше употреблять слово, обладающее меньшей эмоциональной нагруженностью. Поэтому мной сделан выбор в пользу термина «псевдонаука». Под нею в работе понимаются такие интеллектуальные построения, в которых фактически отринуты фундаментальные принципы научного познания, в первую очередь бритва Оккама. Классические примеры псевдонауки: новая хронология А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, теория этногенеза Л. Н. Гумилева, «торсионная теория» А. Ф. Охатрина и А. Е. Акимова. Но наряду с таким видом имитации науки, по моему мнению, существует и другой, точное название которому не так легко найти. Здесь я не обнаруживаю завиральных идей вроде идеи, что историки всего мира сговорились подделать документы ради «удревления» истории. Нет здесь и характерной для псевдонауки претензии на революционный переворот в наших знаниях о мире, на эпохальные прорывы в изучении тех или иных областей действительности. Уровень притязаний в данном случае значительно скромней: уточнение таких-то понятий, конкретизация таких-то представлений. Такая имитационная деятельность не предполагает противопоставления «истинной», «народной» науки науке «официальной», напротив, имеет место претензия на академический лоск, респектабельность, укорененность в традиции. В то же время здесь отсутствует самое главное, что делает науку именно наукой, – стремление к истине как самоцели. Для человека, который занимается подобной имитацией, наука – не средство творческой самореализации, а способ обретения определенного социального статуса и связанных с ним бонусов. Да, завиральных идей здесь действительно не высказывается, зато имеется другое: сочетание в той или иной пропорции банальностей с маргинальными идеями. Например, берется какой-нибудь реальный, но десятистепенный по своему значению фактор социальной действительности, и ему приписывается определяющая роль в общественной жизни. Размышляя над тем, как назвать этот вид имитации науки, я перебрал несколько вариантов: «плохая наука», «мусорная наука», «поддельная наука», но ни один из них меня не удовлетворил. В конце концов я решил остановиться на термине «как бы наука», ибо ему свойственно такое неоспоримое достоинство, как ироничность.

Первая часть настоящей книги завершается анализом форм имитации науки. Мной принята попытка выявить имитационную природу претендующего на научность текста по способу его выражения. Поскольку любой текст существует в материи слова, постольку словесная оболочка дает возможность обоснованно судить не только о том, что желал сказать автор, но и о том, чего он сказать не хотел, не умел или не смог. От уровня личной одаренности имитатора, его образованности, общего уровня культуры зависит, насколько искусно изготавливает он подделку под науку. Все эти факторы необходимо принимать во внимание при знакомстве с трудами, имеющими внешние признаки принадлежности к науке.

В результате анализа выделено три формы имитации науки: наивная, обыкновенная и элитарная. Казалось бы, логично структурировать дальнейший текст в соответствии с этими категориями. Первоначально я предполагал поступить именно таким образом. Однако в процессе организации материала я столкнулся с неожиданной трудностью: содержание никак не желало укладываться в такой формат. Осмыслив ситуацию, я понял, в чем дело: да, словесная оболочка для оценки научного текста важна, но все-таки главный вопрос: каково содержание, заключенное в этой оболочке? Каждый из выделенных мной видов может существовать в любой из трех возможных форм. Поэтому я счел за лучшее организовать изложение по дру-

⁸ См. с. 83.

тому принципу: рассмотреть последовательно не формы, а виды имитации науки. Так выстроился план дальнейшего изложения: вторая часть посвящена феномену псевдонауки, а третья – как бы науки.

Немалые сложности представляет вопрос о том, как квалифицировать идеологические искажения науки. Общественная наука неизбежно ангажирована, поэтому само по себе присутствие идеологических утверждений в тексте еще не означает, что его нельзя числить по ведомству науки. Другое дело – подмена науки идеологией, то самое «подчинение научного познания чуждым ему интересам», которое является объектом критики в настоящей книге.

Ввиду исключительной важности вопроса о соотношении идеологии и науки оставить его без внимания нельзя. Но где его лучше рассмотреть: во второй части, где речь, напоминаю, идет о псевдонауке, или в третьей, что посвящена как бы науке? Понятно, что подавление науки идеологией ведет к расхождению видимости и сущности. Но к какому именно: в виде псевдонауки или в версии как бы науки? Проведенный анализ показывает, что возможны оба варианта, причем в самых разнообразных комбинациях: все зависит от конкретного содержания работы.

Поэтому я счел за лучшее рассмотреть вопрос о взаимодействии науки и идеологии отдельно, вынеся его в дополнение к основному тексту. Такое решение ведет, конечно, к усложнению структуры книги, но это как раз тот случай, когда приходится жертвовать стройностью формы ради более глубокого раскрытия содержания. И в данном разделе я стремился соблюсти общий принцип книги: не ограничиваться суждениями общего порядка, а рассматривать конкретные примеры имитации науки.

За рамками книги осталось еще десятка два моих работ, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Их включение в текст привело бы к неоправданному увеличению его объема. В то же время я счел необходимым представить в этой своей итоговой работе некоторые опубликованные ранее материалы, прямо связанные с проблематикой книги, но не вписывающиеся в ее структуру. Эти материалы (их немного, и они невелики по объему) помещены в приложение.

Как уже сказано, книга написана в основном путем переработки ранее опубликованных текстов. Читатель при желании может ознакомиться с ними, для чего приводятся соответствующие библиографические сведения. В некоторых случаях использованы материалы, которые по тем или иным причинам ранее не печатались. О них библиографических сведений не приводится по причине отсутствия таковых.

Текст книги отличается от тех работ, на которые она опирается, хоть и в малой степени. Все правки носят непринципиальный характер: устранены повторы, замеченные опечатки, стилистические погрешности, одни работы сокращены, иные расширены, частично изменены, дополнены и т. п. Унифицирован способ приведения ссылок и отсылок. Цель всех этих изменений одна: обеспечить и содержательное, и формальное единство текста.

Должен предупредить читателя вот о чем. Писать в нейтрально-сциентистском стиле я умею, но не считаю для себя в данном случае возможным. Да, наука имеет своей высшей целью достижение объективной истины, но поиски этой истины – занятие, исполненное личной страсти. Моя цель – борьба с подменой науки ее более или менее правдоподобными муляжами. Стандартный нейтрально-сциентистский стиль для реализации этой цели малопригоден. Поэтому я сознательно выхожу за его рамки, применяя средства убеждения, более характерные для публицистики, например, стихи. Насколько я могу судить, не существует категорического запрета на выражение научных идей в стихотворной форме. Если стихотворный текст в книге не сопровождается ссылкой на автора, то не считайте это упущением. Это означает лишь то, что он написан мною. И еще одно необходимое пояснение. Материю, о которых я пишу, таковы, что без покровительства музы пламенной сатиры обойтись невозможно. И еще прошу учесть,

что мне порой пришлось пускать в ход столь специфический инструмент научной критики, как ювеналов бич.

Книга адресована не только профессиональным ученым, но и тем равнодушным согражданам, которые сознают общественную опасность эрозии института науки. Я не питаю иллюзий, будто ремесленники, занимающиеся изготовлением подделок под науку, после прочтения этой книги вмиг раскаются и бросят свое постыдное занятие. Скорее всего, они, даже будучи названными по имени, станут придерживаться прежней тактики замалчивания моих трудов. Но я надеюсь, что настоящая книга укрепит позиции тех честных исследователей, которым дорога научная истина, тех тружеников науки, которые не приемлют «подчинения науки внешним для нее интересам». И если эти добросовестные ученые найдут в этой книге что-то полезное для себя, если они обретут понимание того, как под личиной науки разглядеть ее имитацию, если станут лучше различать разновидности псевдонауки и как бы науки, то я буду считать свою цель достигнутой.

Мой духовный отец – Исаак Яковлевич Лойфман (1927–2004). Именно он привил мне трепетное отношение к науке, научил не робеть перед авторитетами и никогда не обольщаться внешностью предмета, сколь бы привлекательной она ни казалась. Не могу не сказать слов благодарности за помощь и поддержку в работе В. П. Лукьянину, талантливому публицисту, мастеру слова, человеку высоких личных достоинств. Поскольку предмет моего исследования требовал вторжения в филологические материи, я нуждался в консультациях профессионального филолога. Их я получал от профессора А. В. Флори, автора ряда фундаментальных трудов по русской филологии. Выражаю ему глубокую благодарность за это. Большая часть моих работ, посвященных науке, опубликована в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Основателем и бессменным главным редактором журнала является профессор Ю. М. Сердюков. Более всего меня привлекает в нем научная принципиальность, категорическое неприятие делячества в науке, преданность делу и отторжение философии премудрого пескаря. Трудно себе представить, чтобы некоторые мои статьи, чувствительно задевающие отдельных влиятельных персон, могли появиться в другом издании. Приношу Ю. М. Сердюкову свою благодарность.

Вступление

Ложная мудрость эскапизма⁹

С недавних пор мы живем в мире, охваченном кризисом. Каждый день средства массовой информации приносят нам новости о банкротствах, массовых увольнениях работников, финансовых неурядицах, социальных конфликтах... Вовсе не радуют дела и у себя дома. Российский кризис оказался более глубоким и острым, чем в странах капиталистической метрополии. Казалось бы, происходящие в современном мире процессы не должны нас особенно удивлять: кризис – закономерная фаза эволюции капиталистической системы; специфика капитализма как общественно-экономической формации в том и состоит, что он развивается через кризисы. Поэтому следует проявить терпение, дождаться того момента, когда имманентные законы капиталистического развития вновь выведут человечество на новый виток эволюции. Все было бы не так уж и плохо, если бы существовала уверенность в том, что нагрянувший кризис – рядовой. Но такой уверенности как раз и нет. Более того, существуют веские основания полагать, что мир вступил в длительную полосу хаоса и нестабильности, и чем она закончится, не знает никто.

И в этой связи перед каждым человеком со всей остротой встает гамлетовский вопрос: быть или не быть? Втянуться в разворачивающуюся социальную борьбу, стать сознательным участником исторической драмы или уклониться от схватки? Предаться тихим радостям приватной жизни, укрыться за высоким забором своего внутреннего монастыря? Не пытаться взвалить на свои плечи тяжесть ответственности за судьбу страны и, тем более, мира, ибо она может тебя раздавить?

В отечественной философской литературе есть одно произведение, которое представляет собой развернутое выступление в пользу второго варианта смысловознательного выбора, т. е. в пользу эскапизма. Это знаменитая статья С. Л. Франка «Смысл жизни»¹⁰. Поскольку она является широко известным классическим произведением, наше дальнейшее изложение строится по преимуществу как полемика с изложенными в нем идеями.

Вот что пишет в названной статье видный представитель русской религиозной философии:

«Что бы ни совершал человек, и чего бы ему ни удавалось добиться, какие бы технические, социальные, умственные усовершенствования он ни вносил в свою жизнь, но принципиально, перед лицом вопроса о смысле жизни и послезавтрашний день ничем не будет отличаться от вчерашнего и сегодняшнего. Всегда в этом мире будет царить бессмысленная случайность, всегда человек будет бессмысленной былинкой, которую может загубить и зной земной, и земная буря, всегда его жизнь будет кратким обрывком, в который не вместить чаемой и осмысляющей жизнь духовной полноты, и всегда зло, глупость и слепая страсть будут царить на земле. И на вопросы: “что делать, чтобы прекратить это состояние, чтобы переменить на лучший

⁹ Опубликовано в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (2010. № 3 (27). С. 180–184) под заголовком «Ответственность человека перед историей. Против эскапизма».

¹⁰ Франк С. Л. Смысл жизни // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 161–162. URL: www.koob.ru/frank_semyon/

лад», – ближайшим образом есть один спокойный и разумный ответ: “Ничего – потому что этот замысел превышает человеческие силы”»¹¹.

В процитированном пассаже С. Л. Франк высказывает несколько принципиальных положений, которые имеет смысл подробно проанализировать. Прежде всего, обращает на себя внимание следующий факт: автор не отрицает того, что в истории происходят «технические, социальные, умственные усовершенствования», т. е., проще говоря, имеет место прогресс. С другой же стороны, он настаивает на необходимости уклонения от деяния, только в таком уклонении усматривая поведение, достойное нравственно зрелой личности. Не станем пока анализировать вопрос о том, насколько такая стратегия реалистична. Обратим внимание на другое: на ее крайнюю нелогичность. В самом деле, откуда может взяться прогресс, если люди все-речь воспримут максимум С. Л. Франка, требующую «не делать ничего»? Возьмем для начала технические усовершенствования. Они, как известно, не падают с неба. Это не дар природы, наподобие солнечного света, плодородной почвы и воды. Чтобы из куска камня сделать ручное рубило, наш далекий предок должен был изрядно потрудиться. А чтобы потом рубило превратилось в каменный топор, напрягаться пришлось не меньше. Люди изобрели земледелие, научились выплавлять металлы, изготавливать из них орудия труда, создали индустрию, гигантскую инфраструктуру современной цивилизации, которая делает жизнь человека приятной и комфортной, и все это достигнуто трудом. Не делая ничего, ничего и не сделаешь. Совершенно таким же образом обстоит дело по части умственных усовершенствований. Вот, например, такое умственное усовершенствование, как письменность. Нужно полностью покинуть почву научного мышления, чтобы утверждать, будто письменность явилась даром небес. Или хотя бы полагать, что создание письменности было делом легким и простым. Как стало бы возможно это гениальное изобретение человечества, если бы люди уклонялись, следуя С. Л. Франку, от деяния? Не возникают сами собой и социальные новации. Возьмем, например, такой социальный институт, как государство. Он поднял человечество на новую ступень развития, сделал возможным достижение таких целей, о которых было невозможно и помыслить на догосударственной ступени развития. Можно ли усомниться в том, что государство появилось в результате сознательной деятельности людей?

Итак, «перемены на лучший лад» в жизни общества происходят, однако человек, согласно С. Л. Франку, не должен предпринимать ни малейших усилий для того, чтобы им способствовать. Таков «спокойный и разумный ответ» на важнейший смысловой вопрос, даваемый известным русским философом.

На это можно возразить, что мы вульгаризируем, примитивизируем, огрубляем высокую мысль С. Л. Франка. Он ведь, дескать, рассуждает на уровне не быта, но бытия. Что ж, обсудим это возражение.

Вот человек утром по будильнику встает, чистит зубы, одевается и отправляется на работу, где создает материальные или духовные ценности. Это быт, т. е. повседневность, жизнь как последовательность мгновений. Вот другой человек. Утром он долго валяется, зубы не чистит, а если куда-то идет, то только в магазин за бутылкой. У него иной быт; мгновения, из которых складывается его жизнь, наполнены не трудом, а праздностью. Он не созидатель, а социальный паразит. А это уже не уровень быта, а уровень бытия.

Мораль: принципиально неверно разрывать быт и бытие. Жизнь как целое складывается из отдельных мгновений подобно тому, как океан образуется из капель.

Тут необходимо сделать одно уточнение. Конечно, нельзя считать, что всякий, кто трудится, уже в силу самого этого факта – творец, созидатель. Нет, конечно, труд может быть рутинным, механическим, выполняемым не из желания или интереса, а бездумно, по привычке, ради заработка. Такой труд не облагораживает человека и не поднимает его над уровнем

¹¹ Там же.

быта. Объективно его жизнь образует некую целостность, но субъективно остается механической суммой внутренне не связанных мгновений. Это быт, не переходящий в бытие. Следует, однако, подчеркнуть, что такая смысловая стратегия блокирует возможность создания чего-то действительно нового, обрекает человека на воспроизведение уже существующих образцов. «Технические, умственные и социальные усовершенствования» в результате такого труда появиться не могут. Труд сам по себе не гарантирует полноты духовной жизни, он создает только соответствующие объективные предпосылки. От человека, его субъективного выбора зависит, будут ли эти предпосылки реализованы. Но если человек выбрал отказ от труда, то в этом случае его жизнь – жалкое прозябание, без цели и смысла. Такую жизнь ведет, например, Антуан Рокантен, герой романа Ж.-П. Сартра «Тошнота». Рокантен вроде бы имеет в жизни цель – написать историческое исследование о жизни маркиза де Рольбона, но цель эта поставлена не для того, чтобы ее добиваться, а единственно для самооправдания. Герой романа Сартра не может и не хочет предпринять усилие, чтобы завершить свою работу, он плывет по течению жизни, довольствуясь мелкими радостями и сиюминутными удовольствиями.

Разрывая быт и бытие, С. Л. Франк впадает во вселенский пессимизм. Человек, по его мнению, «бессмысленная былинка». Его жизнь всегда – «краткий обрывок, в который не вместить чаемой и осмысляющей жизнь духовной полноты».

Разберем эти тезисы по порядку. Итак, «человек – бессмысленная былинка». Как это понимать? Что конкретно С. Л. Франк желает этим сказать: что человек не способен мыслить или что не имеет смысла человеческая жизнь? Первый тезис должен быть отклонен по причине его очевидной абсурдности. Второй не более убедителен. Отрицание смысла жизни человека – это позиция циника, а не мудреца. Мудрость состоит не в том, чтобы закрывать глаза на высший план человеческой жизни, а в том, чтобы этот план раскрывать, исследовать. Поэтому тезис «человек – бессмысленная былинка» следует отвергнуть как нелепицу; в лучшем случае его можно рассматривать как некое поэтическое преувеличение, как метафору (впрочем, на наш взгляд, неудачную).

С мыслью о том, что наша жизнь – «краткий обрывок», нельзя не согласиться ввиду ее банальности. Да, сколько бы лет человек ни прожил, смерть всегда приходит слишком рано¹². Но разве краткость человеческой жизни – это непреодолимое препятствие для творческой самореализации? Требуя, чтобы в человеческую жизнь, по определению конечную, вмещалась «чаемая и осмысляющая духовная полнота», которая в принципе не имеет границ, автор желает невозможного. А. С. Пушкин погиб, не дожив до тридцати восьми. М. Ю. Лермонтов был убит на дуэли, когда ему не исполнилось и двадцати семи лет. Можно предполагать, какие еще великие творения создали бы два гения русской литературы, поживи они подольше. Но кто станет отрицать, что оба они как творческие личности вполне состоялись?

С. Л. Франк ставит вопрос предельно абстрактно, совершенно отвлекаясь от реалий человеческой жизни. Ему нужна не просто самореализация (духовная полнота), а самореализация абсолютная, завершенная, совершенная – такая, которая не допускает уже ни малейшего дополнения или изменения. Но это заведомо невыполнимое требование. Человек конечен не только в том смысле, что смертен, но и в том смысле, что его возможности ограничены. Ни один гений не может объять всего. Судить о вкладе человека в цивилизационный потенциал общества нужно с учетом конкретных обстоятельств. И тогда мы должны прийти к выводу, что «чаемая и осмысляемая духовная полнота» в реальной жизни достижима. И не только в

¹² В указанной связи вспоминается притча, приведенная М. А. Лифшицем в прижизненном собрании своих сочинений. «Один американский писатель рассказывает поучительную историю. Жил некогда человек. Когда пришел к нему ангел смерти и сказал: «Пора!», он удивился: – Как? Ведь я еще не жил. Я только создавал себе условия для будущей серьезной жизни... – Чем же ты все это время занимался? – спросил ангел. И человек описал ему свои случайные дела. – Это и была жизнь! – сказал ангел, увлекая его за собой» (Лифшиц М. А. Вместо предисловия // Лифшиц М. А. Собр. соч. в 3 т. М.: Изобразительное искусство, 1984. Т. 1. С. 3).

жизни титанов духа (таких как Исаак Ньютон, Иоганн Вольфганг Гете, Петр Ильич Чайковский, Галина Уланова), но и в жизни обычных людей, не наделенных выдающимися способностями.

Ошибка С. Л. Франка состоит в следующем: сначала он ставит ирреальную цель, а потом сетует, что ее невозможно добиться.

Столь же абстрактно-моралистически, без учета реалий человеческой и общественной жизни, С. Л. Франк трактует вопрос о природе морального зла. Фактически его позиция – это отрицание прогресса нравственности. С поистине пророческим пафосом он провозглашает:

«<...> Всегда зло, глупость и слепая страсть будут царить на земле».

Обратимся к Библии – этому древнейшему памятнику культуры. Она представляет немалый интерес как живое свидетельство нравов, существовавших тысячи лет тому назад. Читаем описание славных подвигов царя Давида:

«И выходил Давид с людьми своими и нападал на гессурян и гирзеев и амаликитян, которые издавна населяли эту страну [...] и не оставлял в живых ни мужчины, ни женщины, и забирал овец, и волов [...] и верблюдов, и одежду» [2, I Царств, 27:8–9]. Захватив город Равву, Давид «народ, бывший в нем [...] вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступал со всеми городами аммонитскими» [2, II Царств, 12:31].

Столь страшные события происходили в X в. до н. э. В словах повествователя нет ни малейшего осуждения действий Давида. И это нас не должно удивлять: таковы были нравы три тысячи лет тому назад. Если бы царь Давид потерпел поражение, под пилы и молотилки положили бы его народ. В наши дни подобная жестокость воспринимается уже совершенно иначе. И хотя война как инструмент решения политических задач, к сожалению, не исчезла из практики, намеренное убийство мирного населения воспринимается всеобщим сознанием как чудовищное преступление, как дикость. Да, зло не исчезло, в этом С. Л. Франк прав. Но неверно считать, что между днем позавчерашним и сегодняшним нет никакой разницы, что меняются только исторические формы зла. Общий нравственный прогресс человечества – несомненный исторический факт. Стало быть, и завтрашний, а тем более послезавтрашний день будет не таким, как сегодняшний.

И не только в смысле наличия мира морального зла, но и в том, что касается людской глупости. Вообще нереалистично ставить вопрос о достижении такого состояния, когда глупость навсегда исчезнет. Глупость – неизбежный спутник ума. Животные не ведают глупости, ибо они не способны мыслить. Человек же мыслит и по этой причине обладает способностью быть глупым. Желать искоренения глупости – то же самое, что требовать отказа от мышления. Конечно, проявления глупости меняются с течением времени, но она остается неизбежным спутником жизни. Так, в не столь уж далеком прошлом вера в ведьмовство была всеобщей и потому не считалась глупостью. Теперь человек, который не знает, что ведьм не существует, воспринимается как невежда и глупец. Современные глупцы занимаются опровержением специальной теории относительности¹³ или, например, веруют в «торсионное поле»¹⁴. Настанет день, когда попытки доказательства несостоятельности теории относительности выйдут из моды, забудутся и торсионные бредни. Но наши потомки непременно придумают какую-нибудь новую глупость, ведь они не утратят способности мыслить, стало быть, и неизбежно

¹³ См.: Мясников В. М. Теория относительности, новые подходы, новые идеи. URL: <http://www.ntpo.com/physics/opening/15.shtml>; Эбралидзе А. А. Опровержение теории относительности Эйнштейна. URL: zhurnal.lib.ru/e/ebbralidze_a_a/archil30.shtml

¹⁴ См.: Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги М.: Наука, 2001. 255 с.

связанной с ней способности заблуждаться. Нужно иметь какое-то особо мрачное расположение духа, чтобы видеть в таких вещах повод для пессимизма и разочарования в жизни. Да, при любом общественном строе, во все времена существуют глупцы, глупые мысли порой случается высказывать и вполне разумным людям (кто без греха?), но так что с того? Разве существование в мире глупости – причина для капитуляции перед наличными обстоятельствами? Образованный, мыслящий человек не вправе уклониться от своей миссии – нести свет знания в массы, бороться с невежеством, суевериями, глупостью во всех ее разновидностях. С. Л. Франку непременно нужен практический результат – искоренение глупости на вечные времена. Но ведь для моральной оценки поступка результат – не самое главное. Важен мотив, важна попытка.

То же можно сказать и о «слепой страсти». Она никуда не исчезнет из жизни человека и общества, ибо люди – не бездушные автоматы. Но утверждать, как это делает С. Л. Франк, что слепая страсть царит на земле – значит впадать в смешное преувеличение. Люди не заслуживают такого оскорбления. Вся история человечества – это история обуздания страстей, история выработки институтов и норм, позволяющих сдерживать порывы гнева, приступы ярости или злобы. Так, государство, едва возникнув, создает свод законов, призванных упорядочить наказания за преступления, не допустить, чтобы люди действовали под влиянием «слепой страсти». Важнейший институт государства – суд, задача которого – холодным рассудком проанализировать имеющиеся факты и аргументы и вынести справедливое решение. Нельзя отрицать и того, что этот институт не стоит на месте, он непрерывно развивается, совершенствуется именно для того, чтобы не допустить разгула иррациональных страстей. Так что С. Л. Франк и в данном пункте явно впал в заблуждение.

Вообще прогресс – не выдумка оптимистов, а объективный факт бытия. И хотя прогресс протекает негладко, хотя периоды восходящего развития сменяются отступлениями, провалами, периодами регресса и упадка¹⁵ (примером чему может служить история современной России), он все равно образует магистральную линию развития.

Мы вполне сознаем, что нас могут обвинить в выборочном цитировании С. Л. Франка, в искажении его концепции. Это вынуждает нас проанализировать ее более подробно.

В начале цитированной статьи «Смысл жизни» философ совершенно ясно и недвусмысленно формулирует свою позицию. Соответствующая цитата нами разобрана. Но затем даются пояснения, которые делают эту позицию уже не столь определенной.

С. Л. Франк заявляет:

«Правы фанатики общественности и политики, когда утверждают, что обязанность каждого гражданина и мирянина заботиться об улучшении общих, общественных условий жизни, действительно бороться со злом и содействовать, хотя бы и с мечом в руках, утверждению добра»¹⁶.

Итак, автор вовсе не возражает против того, чтобы бороться со злом, даже если это требует насилия. Так что же тогда его не устраивает в действиях «фанатиков общественности и политики», т. е. людей, заботящихся об улучшении общих, общественных условий жизни? Иначе говоря, в действиях тех людей, которые занимают активную гражданскую позицию? Да их мнение, будто «с мечом в руках можно истребить зло и сотворить благо». В общем, бороться со злом можно, но нельзя думать, что эта борьба приведет к его искоренению. Тогда каков ее смысл? На этот вопрос дается такой ответ: всякая внешняя деятельность бессмысленна, если она – цель, а не средство. Говоря словами С. Л. Франка:

¹⁵ Здесь уместно привести известное высказывание В. И. Ленина: «<...> Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (*Ленин В. И. О брошюре Юниуса // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6*).

¹⁶ Франк С. Л. Указ. соч.

«<...> Всякое внешнее делание осуществляет не *цель*, а только средство к жизни; это средство разумно, поскольку мы сознаем разумную цель, которой оно служит, и ставим его в связь с нею; и, напротив, оно бессмысленно, поскольку мнит само быть целью жизни, не будучи в силах осуществить это притязание и отвлекая нас от служения истинной цели»¹⁷.

Так в чем же состоит эта истинная цель? Понять это позволяют следующие слова С. Л. Франка:

«Никогда еще добро не было осуществлено никаким декретом, никогда оно не было сотворено самой энергичной и разумной общественной деятельностью; тихо и незаметно, в стороне от шума, суеты и борьбы общественной жизни, оно нарастает в душах людей, и *ничто* не может заменить этого глубокого, сверхчеловеческими силами творимого органического процесса»¹⁸.

Фактически, таким образом, речь идет о самоусовершенствовании. И в наибольшей степени эта истинная цель реализуется в молитвенном подвиге аскета. Именно такой вывод вытекает из следующих слов известного православного мыслителя:

«Серафим Саровский, простоявший на коленях на камне 1000 дней и ночей и говоривший о цели этого подвига: “Томю томящего мя”, обнаружил, конечно, неизмеримо больше терпения и мужества, чем наиболее героический солдат на войне»¹⁹.

Воин, прочитавший эти слова, сделает вывод, что простоять 1000 дней и ночей на камне – гораздо более ценное общественное деяние, чем закрыть грудью амбразуру вражеского дота. Профессор же должен прийти к заключению, что корпеть в библиотеках над книгами – занятие хоть и не совсем бесполезное, но все-таки уступающее в своей значимости чтению молитв. Ученый, пытающийся доказать теорему, над которой бились лучшие умы человечества, должен прийти к заключению, что все его усилия – пустяк в сравнении с молитвенным стоянием. Политик, напряженно размышляющий о том, как выбрать оптимальный вариант действий в условиях надвигающегося кризиса, должен понимать: его занятия – из разряда второсортных. Есть дела поважней.

В общем, С. Л. Франк сначала заявил, что практическая деятельность бессмысленна, а потом дезавуировал собственное заявление. Он все-таки разрешил людям заниматься обычными своими делами, т. е. растить хлеб, рожать и воспитывать детей, участвовать в политической жизни, преподавать, вести научные исследования и т. п., но при одном неперменном условии: необходимо помнить, что практическая деятельность – нечто малосущественное и второстепенное в сравнении с «подлинным деланьем», т. е. с молитвенным подвигом аскета.

Конечно, С. Л. Франк волен был считать, что он своими разъяснениями реабилитировал практическую деятельность, раскрыл ее подлинное значение, указал на ее настоящее место в жизни человека и общества и тем самым отмежевался от позиции эскапизма. Но одно дело – наши субъективные намерения и другое – объективный смысл наших слов и поступков. Если считать, что обычные дела, которыми живут люди, – нечто малозначительное, ненастоящее, неважное, то в этом случае возникает закономерный вопрос: а стоит ли ради них напрягаться? Любое серьезное занятие требует волевого усилия, труда и терпения, предполагает самоограничение. Люди способны предпринять такие усилия, проявить терпение, отказаться от удо-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Франк С. Л. Указ. соч.

вольствий, заставить себя много и упорно трудиться в том и только в том случае, если они убеждены в большой общественной значимости своего дела. Если же их постигнет разочарование и им вдруг откроется, что они заблуждаются, что в действительности они занимаются ерундой, то не скажется ли это самым фатальным образом на их отношении к своей деятельности? Смог ли бы Глеб Жеглов проявить трудолюбие, терпение, изобретательность и инициативу, если бы не был убежден, что «вор должен сидеть в тюрьме»? А стал бы Джон Непер двадцать лет подряд вычислять логарифмы, если бы не был уверен, что занимается нужным для общества делом?

В рассуждениях С. Л. Франка есть еще один изъян, на который имеет смысл обратить внимание. В его глазах высоким образцом истинного деяния является молитвенный подвиг Серафима Саровского. Да, простоять тысячу дней и ночей на камне – это впечатляет. (Правда, нам трудно поверить в то, что знаменитый монах в течение «тысячи дней и ночей» простоял на одном месте, никуда не отлучаясь. Он что, не спал, не питался, не утолял жажду и не справлял естественные надобности?) Возникает закономерный вопрос: кто готовил пищу для аскета? (Пусть скромную, но достаточную для того, чтобы человек за столь длительный срок не умер и не потерял здоровье.) Понятно, что сам он не имел для этого ни времени, ни возможности – у него было занятие куда более важное. Следовательно, для Серафима Саровского трудились другие люди. Одни выращивали хлеб, другие пасли скот, третьи проливали пот на монастырской кухне. Их деятельность, конечно, – занятие ничтожное, суетное. А вот стояние на камне – это великий подвиг. И сколько людей должно суетиться, чтобы один мог заниматься настоящим делом?

Вопрос тут, конечно, не в арифметическом соотношении «истинных тружеников» и «суетящихся», а в том, что практическая деятельность все-таки первична. Духовный труд возможен лишь на материальной базе, которую создает практика.

Впрочем, мы несколько отвлеклись от основного сюжета. Наша задача состояла в том, чтобы показать, что истинная позиция С. Л. Франка – это отказ от деяния. Она заявлена со всей определенностью, дальнейшие разъяснения, призванные раскрыть ее более глубокий смысл, сути дела не меняют. В своих комментариях русский религиозный философ понижает аксиологический статус практической деятельности до такой степени, настолько развенчивает ее, что подрывает всякие стимулы ею заниматься. Таким образом, прямой и ясный эскапизм при дальнейших разъяснениях и комментариях подменяется эскапизмом завуалированным и витиевато выраженным.

Следовательно, фактически статья С. Л. Франка «Смысл жизни» есть не что иное, как развернутый и аргументированный манифест эскапизма. И это обстоятельство обуславливает необходимость обращения к ней в наши дни, когда мир втягивается в полосу новых потрясений, ход и исход которых невозможно прогнозировать. И вновь, как и век тому назад, мыслящий человек встает перед экзистенциальным выбором: принять активное участие в реализации назревших преобразований или попытаться отсидеться в какой-нибудь тихой гавани? Для человека, профессионально занимающегося наукой, этот вопрос приобретает специфический смысл: закрыть глаза на деятельность прилипал, изображающих из себя ученых, или с поднятым забралом выступить против них во всеоружии критики?

Какие доводы могут быть приведены в пользу выбора эскапизма? Можно указать, по меньшей мере, на три таких аргумента.

Аргумент первый: замысел и результат практического действия никогда не совпадают. Именно этот довод является главным и по существу единственным в манифесте С. Л. Франка.

Не нуждается в доказательстве тот факт, что человек не в состоянии с достаточной степенью достоверности предвидеть ни отдаленные последствия своих поступков, ни общий ход исторических событий.

Такова специфика исторической реальности. В природе действуют слепые безличные силы, на которые мы не имеем возможности повлиять, по крайней мере, повлиять в скольконибудь значительных масштабах. Землетрясения, извержения вулканов, наступления и отступления ледников, регрессии и трансгрессии морей и т. п. – все эти события и процессы протекают вне человеческого контроля. Иное дело – революции, реставрации, периоды творческого обновления общественных отношений и полосы застоя и упадка. Они не могут произойти сами собой, они всегда рукотворны. Хотя история протекает как процесс объективный, она не анонимна. А это означает, что человек – всегда участник исторической драмы, даже если ему претит роль актера. Смысл исторических событий раскрывается всегда апостериори. В момент, когда событие происходит, человек может только строить догадки относительно его сущности.

Результат предпринимаемых действий никогда не совпадает с намерениями ни одного участвующего во взаимодействии субъекта. Разумеется, степень отклонения итога от замысла может варьировать в очень широких пределах. Так, при строительстве любого крупного инженерного сооружения, как правило, не удается уложиться в первоначальную смету и выдержать сроки. Такое несовпадение плана и результата носит чисто количественный характер, его можно считать незначительным. Но нельзя рассматривать как несущественное расхождение замысла и объективных последствий «рыночно-демократических реформ» в России. Официально продекларированная цель этих реформ – преодоление застоя в экономике, ликвидация отставания от Запада во всех сферах жизни общества, однако в реальности Россия все глубже погружается в историческую трясину, что особенно наглядно проявляется в деградации института науки в нашей стране и подъеме мутной волны мистики и оккультизма.

Но несовпадение результата практического действия и его замысла не может служить оправданием выбора в пользу эскапизма. Дело в том, что в историческом процессе участвует множество субъектов и каждый преследует свои собственные цели; конечный итог оказывается равнодействующей гигантского числа усилий. Отказываясь от влияния на исторический процесс в том направлении, которое человек считает правильным, соответствующим каким-то высшим принципам (гуманность, справедливость, свобода и т. п.), он создает тем самым более благоприятные условия для реализации устремлений тех социальных сил, которые действуют в прямо противоположном направлении. Так, если твоя страна стала объектом агрессии, то достойно ли гражданина отсиживаться в сторонке? Зарыться в свою индивидуальную нору и ждать: чья возьмет? Да, война может быть и проиграна. Но уклониться от борьбы означает стать пособником агрессора. Человек, который не желает включиться в борьбу под тем предлогом, что победа не гарантирована, не понимает (или не хочет понимать), что в случае отказа от борьбы поражение неизбежно.

Аргумент второй: силы одного человека слишком малы, чтобы оказать реальное воздействие на ход исторических процессов. Раз «простой» (в смысле не наделенный властью) человек имеет крайне малые возможности повлиять на ход событий, значит, делается вывод, этими возможностями вообще следует пренебречь. Аргумент от ничтожества усилий одного человека непротиворечиво сочетается с аргументом от несовпадения замысла и результата. Каждый субъект действует, исходя из своего образа желаемого будущего. Однако это будущее, когда оно наступает, мало похоже или вовсе не похоже на то, к чему каждый из участников социального взаимодействия стремился. Получается, таким образом, что вклад отдельного человека в общий результат настолько незначителен, что этим вкладом можно пренебречь как величиной бесконечно малой. Человек, приводящий подобный аргумент, осознает он это или нет, придерживается иждивенческой позиции. Кто-то должен обеспечить для него лучшую жизнь, преподнести ее на блюде с голубой каемочкой, а он может отстраненно наблюдать за тем, как трудную борьбу ведут другие. Дело не только в том, что такая позиция нравственно ущербна. Она к тому же и непрактична. Отказываясь от участия в социальной борьбе по причине невоз-

возможности существенно повлиять на ход событий, человек тем самым добровольно уступает, так сказать, поле боя противнику.

Аргумент третий: человек, берущий на себя смелость действовать, тем самым как бы присваивает себе право творить суд над другими людьми. А это не что иное, как недостаток скромности, самокритичности, проявление человеческой гордыни. «Чем я лучше других? – вопрошает такой человек. – Кто дал мне право судить, что есть зло и что – добро?». Но при этом не ставится вопрос о том, а кто дал право другим людям иметь свои представления о добре и зле. Такое осуждение гордыни оказывается на деле проявлением самоуничтожения, отсутствия чувства собственного достоинства.

Можно, конечно, указать и на другие доводы в пользу позиции эскапизма, но они будут лишь вариациями названных нами трех аргументов.

Их логическая несостоятельность, однако, не мешает их популярности. Причина этого явления заключается в самой природе идеологических процессов в обществе. Соответствующее теоретическое построение подводится под уже существующее в обществе настроение, а не наоборот. Аргументы в пользу эскапизма выработаны задним числом с целью оправдания занятой жизненной позиции.

Уклоняясь от осознанного исторического действия, стремясь укрыться в башне из слоновой кости или отсидеться во время исторических бурь на своих шести сотках, человек упускает свой единственный шанс оставить след на земле. Бытие такого человека, выражаясь словами М. М. Бахтина, случайно и неукоренимо. Он сознательно обрекает себя на роль поденки в историческом вихре.

Уклонение от ответственности есть уклонение от высшего предназначения человека. Не от призвания, нет, ибо призвание у разных людей разное. Один рожден писать стихи, другой – учить детей, третий – строить дома, четвертый – прокладывать новые пути в науке и т. д. А вот высшее предназначение у всех одно – оставить потомкам планету в лучшем виде, чем мы ее получили от предков. И внести свой вклад в решение этой задачи, заняв позицию эскапизма, невозможно.

Эскапизм как в своей теоретически отрефлексированной и облагороженной, так и в своей неосознанной, вульгарной разновидности, по нашему глубокому убеждению, – позиция ложная. Она ложная прежде всего потому, что человек объективно вовлечен в исторический процесс. Человек захвачен потоком истории, желает он того или нет. Ответственность человека – любого человека, несмотря на его социальное положение, образование, степень личной одаренности и т. д. и т. п., – объективна. И в силу этого факта, абсолютно от нас не зависящего, мы не можем уклониться от ответственности за свои поступки. Всякая такая попытка бесперспективна и, в конечном итоге, аморальна, какие бы хитроумные аргументы в пользу эскапизма ни приводили.

Мы не питаем иллюзий относительно действенности слова философа. Сейчас народ (из тех, кто читать пока не разучился) занят простым выживанием, и ему не до высоких материй. Но молчать в такой ситуации означало бы предавать собственные принципы и изменять своей нравственной сути.

Часть I. Лики науки

Наука в парадигме российского неолиберализма²⁰

Временной рубеж, с которого следует вести начало современной эпохи, определяется естественным образом: окончание холодной войны, всемирно-историческое поражение советского проекта и установление единой мировой капиталистической системы. С этого момента Россия находится в процессе формационного перехода. Для одних этот переход есть «возвращение в лоно мировой цивилизации», для других – реставрация капитализма, исторический откат. Обсуждение этих альтернативных взглядов – отдельная тема, в которую мы здесь не имеем возможности, как и намерения, вдаваться. Констатируем несомненное, с чем согласится и крайний либерал, и убежденный коммунист: после поражения Советского Союза в холодной войне в России (как и других странах, образовавшихся на месте СССР) произошли коренные перемены. Они затронули все сферы общественной жизни: экономику, политическую надстройку, социальные отношения, идеологию. На месте общества, построенного по принципу солидарности, создана система, основанная на конкуренции. В первую очередь это относится к экономике, где государственная собственность на средства производства перешла в частные руки, а плановую систему ведения хозяйства сменил рынок. Монопольная власть КПСС ликвидирована вместе с самой КПСС, и теперь мы имеем многопартийную политическую систему, альтернативные выборы и иные атрибуты демократии. В социальной сфере наблюдается переход от патерналистской модели государства к либеральной, распространение принципов рынка на здравоохранение и образование. Последнее официально утратило статус общественного служения и превратилось в сферу услуг.

Эти процессы не могли не затронуть и такого важного социального института, как наука. Конкретно нас интересует вопрос о том, как отразился произошедший в России в последние три десятилетия формационный сдвиг на состоянии науки, к каким последствиям он может привести в будущем. Этот относительно частный вопрос рассматривается нами как часть более общей проблемы: в каком направлении эволюционирует наука в современном мире, где после окончания холодной войны принципы рыночного регулирования общественных отношений получили значительное распространение? Насколько новая ситуация благоприятна для развития науки как способа духовного освоения действительности и как социального института? При этом мы в значительной мере опираемся на развиваемые З. А. Сокулер представления о науке как феномене, который существенным образом зависит от социальных условий²¹. В своей концепции З. А. Сокулер использует метафору родника, из которого вытекает ручей. Она пишет:

«Родник никак не предопределяет, в какую сторону потечет ручеек, какие потоки встретит он на своем пути, засохнет или станет полноводным, окажется бурной горной или спокойной равнинной рекой, сколь широкой будет дельта и пр. Родник не является матрицей последующих преобразований ручья и реки. Они зависят от совокупности внешних обстоятельств»²².

Чтобы, так сказать, не умножать сущности сверх необходимого, обратимся к работам известного российского исследователя науки А. М. Аблажея. Изучив на материале Сибирь-

²⁰ Опубликовано в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (2018. Т. XV, вып. 2. С. 78–85).

²¹ См.: Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.

²² Там же. С. 6.

ского отделения Российской академии наук (СО РАН) трансформацию науки в последние десятилетия, он выделил следующие тенденции: во-первых, значительное сокращение государственного финансирования научных исследований, во-вторых, существенное снижение объема научной информации, свободно циркулирующей в научном сообществе, в-третьих, превращение научного знания в товар, собственником которого является не тот, кто его произвел, а спонсор проведенных исследований (корпорация, университет или государственная организация). Общим знаменателем всех этих (и связанных с ними преобразований вроде резкого сокращения социальной сферы науки) является коммерциализация, которая лежит в русле господствующей ныне практики, которую А. М. Аблажей вполне, на наш взгляд, справедливо квалифицирует как неолиберальную²³. В другой своей публикации, характеризуя влияние неолиберальной политики на науку, А. М. Аблажей указал и на такой важный аспект происходящих изменений, как «размывание института авторства»²⁴. Невзирая на нарисованную им довольно неприглядную картину реального состояния российской науки, А. М. Аблажей настроен вполне оптимистически, о чем свидетельствует следующее заявление:

«Сегодня можно уверенно говорить о том, что академическая наука, в том числе в Сибири, смогла успешно адаптироваться к условиям рынка <...>»²⁵.

И далее:

«Современная наука, и российская здесь не исключение – своеобразный двуликий Янус: продолжая сохранять классический образ социального института, нацеленного на производство достоверного знания (“понимание”), одновременно она нацелена на решение утилитарных задач, имеющих вполне реальное коммерческое измерение (“применение”). Новый характер приобретает процесс интеграции академической науки и высшего образования <...>. По нашему мнению, конкурентное сосуществование двух тенденций – “академической” (классической) и постакадемической (неолиберальной) будет определять положение дел в отечественной науке в ближайшей перспективе»²⁶.

Насчет ближайшей перспективы с автором трудно не согласиться. Но как быть с перспективой обозримой и отдаленной? Во что превратится «постакадемическая» наука за горизонтом видимости? В этом заключается философский вопрос, который А. М. Аблажеем не рассматривается. Мы не считаем себя вправе обходить его своим вниманием, этот вопрос обязательно поставим и попытаемся высказать по нему свои суждения.

Но пока позволим себе на время отложить данный сюжет и обратиться к вопросу о состоянии науки в другой стране, которая пережила формационный переход того же типа, что и Россия. Эта тема достаточно подробно освещена польским историком Викторией Борисюк²⁷. К ее статье мы и обратимся. Картина, рисуемая В. Борисюк, во многом сходна с той, что описана А. М. Аблажеем. В Польше точно так же, как и в России, государство проводит политику снижения расходов на науку. В Польше государственное финансирование науки находится даже на еще более низком уровне, чем в России. Если, согласно приведенным в статье данным, в

²³ См.: Аблажей А. М. Неолиберальная трансформация современной науки: российская версия // Сибирский философский журнал. 2014. Т. 12, № 4. С. 40–46.

²⁴ Его же. Концепция неолиберальной науки в западной социальной мысли // Вестник НГУ. Серия Философия. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 76.

²⁵ Его же. Неолиберальная трансформация современной науки: российская версия // Сибирский философский журнал. 2014. Т. 12, № 4. С. 45.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Борисюк В. Гранты, «бумагология» и договор подряда, или Что представляет собой сегодняшняя польская наука. URL: http://saint-juste.narod.ru/nauka_polska.html

России оно составляет 1,12 % ВВП, то в Польской Республике всего 0,9 %. В Польше, как и в России, повсеместно насаждается грантовая система. На практике это означает, что научные работники львиную долю времени тратят на поиск грантов, оформление заявок и прочую маркетинговую деятельность, превращаясь из ученых в «менеджеров грантовых проектов», постоянно погруженных в «бумагологию». Этот аспект реформ науки отмечен и А. М. Аблажеем. Но как автор, работающий в крупном научном центре, А. М. Аблажей обошел вниманием другую проблему, которая чрезвычайно актуальна для ученых из польской (и не только польской) провинции: фактическое разделение научного сообщества на привилегированную элиту и всех других, к ней не принадлежащих. Элите достается и большая часть средств, выделяемых в рамках государственного финансирования, и основная часть грантов; остальные же вынуждены довольствоваться крохами. Иначе говоря, в научном сообществе происходит то, что размывает его именно как научное сообщество, которое в сущности своей представляет собой «республику ученых». В среде научных работников образуются «высшие» и «низшие» касты, что в принципе несовместимо с институтом науки. В. Борисюк отмечает также, что коммерциализация науки связана с абсолютизацией чисто количественных критериев оценки деятельности ученых: публикационной активности, индекса цитирования и тому подобных вещей. Эти критерии не дают ни малейшей возможности оценить содержательную сторону продукта научной деятельности, т. е. статей, монографий, докладов и т. п., но зато создают стимулы к ее симуляции. По выражению В. Борисюк,

«польских ученых загнали в беличье колесо»²⁸.

И добавляет:

«Главное – бежать, не задумываясь о смысле самого бега»²⁹.

Польский историк поднимает также вопрос о влиянии новых социальных условий на гуманитарные исследования. От польских обществоведов требуют публиковаться на английском языке, что, по мысли чиновников, управляющих наукой, делает результаты их труда доступными для зарубежных коллег. Когда речь о гуманитарных исследованиях, содержащих какие-то крупные обобщения или проливающих новый свет на внутренние сюжеты, интересные в силу определенных причин для зарубежного читателя, то перевод на английский язык, с нашей точки зрения, вполне оправдан. Но во всех остальных случаях никакой реальной необходимости в таком переводе нет.

Существуют проблемы, которые привлекают внимание как значительного количества ученых, так и широкой публики во всем мире. Так, вопрос о том, существует ли в солнечной системе в поясе Койпера девятая планета, относится к числу нерешенных и потому занимает умы современных астрофизиков. И если бы кто-то (в Польше, России, Китае или, например, в Папуа – Новой Гвинее) смог бы его решить, то о своем достижении он обязательно сообщил бы на языке международной научной коммуникации. Приведенный пример относится к области естествознания. Но можно проиллюстрировать наш тезис и на материале общественных наук. Так, исследования по истории наполеоновских войн представляют интерес не только для современных жителей Франции, но и для поляков, россиян, испанцев и многих других, чьи предки были вовлечены в те бурные события.

Но в общественных науках есть масса тем, представляющих локальный, частный интерес. Например, история какого-нибудь провинциального города в упомянутой Польше или в России. Образцовой в этом смысле является история города Комсомольска-на-Амуре, где проживает автор настоящих строк. Комсомольск-на-Амуре – детище советской индустриализации, проведенной ураганными темпами. В истории этого города, как в капле воды, отражается

²⁸ Борисюк В. Указ. соч.

²⁹ Там же.

история России на советском этапе ее развития. И потому интерес российских ученых к данной теме вполне понятен и объясним. Для британских или немецких (французских, испанских и т. д.) историков она, в сущности, маргинальна, поэтому лишь очень немногие из них могут ею заинтересоваться. И какой в таком случае смысл публиковать результаты исследований по гуманитарным наукам на языке международного научного общения?

В таких условиях принуждение обществоведов, для которых английский язык не является родным, к тому, чтобы писать на английском, может означать только одно: закрепление ныне существующей стратификации внутри научной среды, или, если воспользоваться выражением В. Борисюк,

«воспроизводство символического насилия Центра над Периферией»,
«культурную гегемонию США в глобальном масштабе»³⁰.

Как совершенно справедливо пишет А. В. Павлов, продукцией общественных наук является

«качество населения, которое все в целом невозможно продать без
государственной самоликвидации»³¹.

И потому

«<...> в основе будущего национального единства должна быть
гуманитарная наука»³²;

«должны быть поддержаны собственный язык, своя литература и
искусство, своя философия <...>»³³.

А если так, то

«<...> причем здесь английский язык, принудительно насаждаемый
в российском университетском преподавании? Причем здесь приказная
обязанность гуманитариев, занимающихся проблематикой России,
публиковаться на английском языке в журналах Web of Science и Scopus, где их
из-за языкового и финансового барьера не смогут прочитать русские читатели,
а англоязычные не будут читать потому, что это не их проблематика?»³⁴
(орфография источника. – Р. Л.).

Было бы, однако, неверно рассматривать такое принуждение только в культурологическом аспекте. Необходимо принять во внимание общий социальный контекст, в котором оно существует. Дело заключается в том, что принуждение обществоведов к использованию английского языка там, где в том нет очевидной необходимости, свидетельствует о восприятии продукта научных исследований как товара. Для неолиберальной идеологии такое восприятие вполне естественно, ибо в ней всякое социальное явление, любая сфера деятельности, любой социальный институт приобретает вид товара. Товар должен быть продан, но для этого требуется, чтобы информация о нем поступила на рынок. Английский язык как язык международного (не только научного) общения идеально подходит для этой цели.

Справедливости ради нужно сказать, что в настоящий момент не существует никакого принуждения российских обществоведов к тому, чтобы писать свои работы на английском языке, такое принуждение характерно для Польши, которая в своем неолиберальном энтузиазме опередила нашу страну. Но логика неолиберализма повсюду одинакова, и потому суще-

³⁰ Там же.

³¹ Павлов А. В. Специфика предметности в гуманитарном познании // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 120.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Павлов А. В. Указ. соч. С. 121.

ствуют основания полагать, что с течением времени российская власть догонит и перегонит польскую.

Между Польшей и Россией имеется ряд существенных различий: политических, экономических, культурных, идеологических... Однако есть один принципиальный момент тождества: ни та, ни другая страна не входит в элитный клуб стран, где проживает «золотой миллиард». Обе они занимают положение капиталистической (полу) периферии в рамках существующего в настоящее время миропорядка. Такие страны не выдвигают своего глобального проекта и даже не претендуют на то, чтобы его выдвигать. Их задача – приспособиться к наличным условиям, не помышляя о том, чтобы их изменить. Отсюда и исключительно скудное государственное финансирование науки. Наука в них превращается в бедную Золушку, которую лишь нормы приличия не позволяют выставить за дверь. В странах, подобных России и Польше, государство содержит науку более из милости, чем вследствие понимания ее общественной ценности. При этом ученым предоставлено право самостоятельно зарабатывать деньги, хотя прекрасно известно, что значительная (если не большая) часть результатов их деятельности просто не имеет и не может иметь рыночной стоимости. Но как обстоит дело в странах ядра капиталистической системы? Если посмотреть на цифры, то оно представляется несравненно лучшим. Так, согласно С. Н. Ларину и Ю. Е. Хрусталеву,

«к концу 1990-х гг. Япония выделяла на науку 3,04 % от своего ВВП, США – 2,64 %, а в странах Европейского сообщества (ЕС) на эти цели выделялось всего 1,92 %»³⁵.

Причем эта последняя цифра малоинформативна, так как Европа очень неоднородна и включает в себя, в частности, и Польшу. А вот такая страна, как Швеция, финансировала науку в объеме 3,8 % ВВП³⁶. Итак, мы видим, что страны, лидирующие в области технологий (или действительно желающие лидировать), расходуют на науку значительно больше средств, чем страны капиталистической (полу) периферии. У политического руководства стран «ядра» есть понимание ценности института науки и воля к поддержанию финансирования научных исследований на достаточно высоком уровне. Однако это понимание, эта воля базируются, в силу господствующей политической философии, не на осознании ценности науки как фактора духовного прогресса общества, а на простом прагматическом интересе: обеспечить максимум прибыли. Такое стремление вытекает из идеологии неолиберализма, оценивающего все без исключения явления социальной жизни с точки зрения соотношения затрат и прибыли. В рамках неолиберального мировосприятия наука – разновидность бизнеса, и ее назначение, как у любого бизнеса, состоит в том, чтобы приносить прибыль. Поскольку вложения в науку позволяют повысить производительность труда не на проценты, а в разы или даже в десятки раз, ее имеет смысл финансировать. Никакие другие соображения и мотивы в рамки неолиберальной логики не вмещаются. И это в равной мере относится как к правящим классам стран, входящих в ядро капиталистической мир-системы, так и к политической элите стран зависимого развития. Но одно дело – элита страны, живущей за счет продажи углеводородов или продукции сельского хозяйства, а другое – правящий класс страны, добившейся технологического лидерства в современном мире и, что вполне объяснимо, категорически не желающий это лидерство уступать. Понятно, что в этом втором случае у элиты есть серьезный стимул не проявлять скарденности при выделении средств на науку.

В наши намерения не входит обсуждение таких животрепещущих вопросов, как определение оптимальной доли расходов государства на науку, плюсы и минусы грантовой системы, способы привлечения бизнеса к финансированию научных исследований и т. п. Да, нам при-

³⁵ Ларин С. Н., Хрусталёв Ю. Е. Исследование современных подходов к финансированию фундаментальных научных исследований за рубежом и в России // Финансы и кредит. Международные финансы. 2014. № 17 (593). С. 14.

³⁶ См.: Там же. С. 15.

ходится жить в реальных обстоятельствах, действовать в конкретных условиях, оставаясь на грешной земле со всеми ее несовершенствами. У любого государства есть много обязательств перед населением: поддержание правопорядка, обеспечение обороноспособности, финансирование системы образования и т. п. По этой причине ресурсы, которые оно в состоянии выделить на науку, не могут быть безграничными. И в том, что к науке (как и к другим сферам деятельности) применяются экономические критерии, нет ничего предосудительного. Вопрос в другом: можно ли ограничиться этими критериями при осмыслении науки как социального института? Допустимо ли вообще рассматривать науку как вид бизнеса, пусть и весьма специфический? От того, какой будет дан ответ на эти вопросы, зависит, без преувеличения, и судьба науки, и будущее общества.

Ситуация в значительной степени осложняется тем, что под общим словом «наука» скрываются явления разного типа. Если пользоваться общепринятой терминологией, в одном случае мы имеем дело с установкой на понимание реальности, а в другой – со стремлением применить полученные знания на практике. Внешне эти два вида деятельности весьма схожи. Так, авиаконструкторы, создавая самолет, проводят тщательное исследование свойств конструкционных материалов: ставятся эксперименты, накапливается статистика, выявляются закономерности, которым подчиняются эти материалы. И точно такие же по смыслу действия производятся в том случае, если исследуются законы, управляющие движением небесных тел или, например, физическими процессами в недрах звезд и планет. В обоих случаях используются научные методы исследования и достигается объективное знание сущности изучаемых процессов. И та, и другая деятельность – наука. Соответственно, люди, которые ею занимаются, – ученые. Но результат их деятельности различен. В одном случае достигается улучшение технических и эксплуатационных характеристик самолета. Общественная польза очевидна и несомненна: повышаются прибыли у фирмы-производителя самолетов, возрастают доходы у авиакомпаний, эксплуатирующих воздушные суда новой модели, выигрывают пассажиры, потому что теперь они получают возможность совершать полеты за меньшую цену с большим комфортом. Выигрывает дело технического прогресса, потому что каждая новая более совершенная модель самолета – ступенька к созданию еще более совершенной. В другом случае достигается более глубокое понимание законов природы, не приносящее непосредственной экономической выгоды. Результат деятельности ученого, который занимается фундаментальными исследованиями, – проникновение во все более глубокие тайны природы, раскрытие общих закономерностей строения материи. Ученый здесь выступает не как субъект, выражающий интересы конкретной (в приведенном примере самолетостроительной) корпорации, которая преследует свою частную цель, а как представитель человечества. Совершенное им открытие – вклад в духовную сокровищницу мировой цивилизации. И пусть разобраться в этом открытии могут лишь немногие специалисты, которые имеют достаточный уровень профессиональной подготовки, это ничего не меняет по существу. Новым знанием обогатилось все человечество – вот что главное. В случае фундаментальных исследований имеет место иной масштаб деяния, и потому требуется иной масштаб оценки. Наука раздвигает духовные горизонты человечества, избавляет от иллюзий и заблуждений, умножает его интеллектуальную мощь. Френсис Бэкон абсолютно прав: «*Nam ipsa scientia potestas est*». И именно в этом состоит гуманистическая сущность науки. Она заключается не в общественной пользе как таковой, а в том, что стоит выше всякой пользы. Наука, как и искусство, по самой глубокой своей природе неутилитарна. Научное знание обладает ценностью само по себе как важнейший элемент и фактор духовного прогресса человечества.

Практическое применение научного знания (которое, как нами отмечалось, тоже требует употребления научных методов) способно принести и реально приносит огромную пользу. Наука гигантски умножила производительные силы общества, создала прочную броню цивилизации, поборола эпидемии, от которых в прежние времена умирали миллионы людей, резко

снизила детскую смертность, добилась колоссальных успехов в лечении многих болезней, перед которыми человечество ранее было бессильно.

Мы не намерены впадать в «новую ортодоксию» и петь гимны науке как источнику абсолютного блага, поскольку не собираемся закрывать глаза на широко распространенную практику использования науки в антигуманных и деструктивных целях. Однако, в отличие от многих сторонников антисциентизма, мы не желаем клеймить науку за причиненное ею зло. Необходимо отдавать себе отчет в том, что наука функционирует в реальном общественном контексте и ее практическое применение зависит от того, кем конкретно она используется.

Наша позиция по данному вопросу близка к той, что выражена в коллективной монографии «Сциентизм: новая ортодоксия»³⁷. По удачному выражению Р. Вильямса, сциентизм есть «сверхдоверие» (overconfidence) к науке³⁸. Мы согласны с общим пафосом книги: обожествление науки столь же контрпродуктивно, как и скептическое отношение к ее возможностям. Наука дает нам в руки мощные средства практического преобразования мира – как созидательные, так и разрушительные. И только от людей зависит, как эти средства будут использованы.

Что касается науки, занимающейся применением знания, то подходить к ней с экономическими критериями и можно, и нужно. В то же время мы хотели бы высказать решительное возражение против абсолютизации этих критериев. С нашей точки зрения, и прикладную науку нельзя оценивать только в аспекте соотношения затрат и выгод, но это вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения.

Наука, которая ставит своей целью понимание законов мироустройства, требует иного подхода. Она является ценностью сама по себе, благом безусловным и неоспоримым. Финансирование фундаментальной науки должно быть абсолютным приоритетом государства. В этой связи в порядке рабочей гипотезы выскажем следующий тезис: экономия на науке оборачивается дополнительными расходами на строительство тюрем.

При оценке социальной роли фундаментальной науки следует учитывать специфику научной деятельности как таковой. Это требует рассмотрения ее мотивационной сферы. Мы совершенно согласны с Б. И. Пружининым, который утверждает следующее:

«<...> Мотивация научно-познавательной деятельности – решающий момент социокультурной детерминации научного познания, ибо обуславливает саму возможность существования науки как исторически определенного культурного феномена»³⁹.

Современная наука настолько трудна и сложна, что для достижения в ней профессионального уровня требуются многие годы напряженного труда. Поэтому люди, не обладающие достаточным трудолюбием, учеными не становятся. Но одного трудолюбия мало. Нужно иметь как минимум еще три качества: способность к сложной интеллектуальной деятельности, неутолимая жажда знаний и целеустремленность. Сочетание всех этих черт характера встречается далеко не у каждого, поэтому сквозь сито профессионального отбора в науку проходят лишь немногие. Безусловная доминанта мотивации ученого – стремление к истине. Только оно, это стремление, дает молодому человеку силы и терпение, чтобы

«карабкаться по каменистым тропам науки и достигнуть ее сияющих вершин»⁴⁰.

Человеку с прагматической мотивацией занятия наукой не кажутся особенно привлекательными, потому что не обещают быстрого материального успеха. Наука влечет к себе тех

³⁷ Scientism: The New Orthodoxy / ed. by R. N. Williams and D. N. Robinson. Bloomberry: Bloomberry Academic, 2015. 200 p.

³⁸ Ibid. P. 7.

³⁹ Пружинин Б. И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. 2005. Вып. 11. С. 110.

⁴⁰ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 25.

людей, которые видят успех не в увеличении количества нулей на банковском счете, а в том, чтобы приоткрыть краешек завесы над тайнами природы. Предельный, лабораторно чистый образец такой мотивации – казус Григория Перельмана. Он мог бы извлечь немалые выгоды из достигнутых им крупнейших научных результатов. Но земные награды ему просто не нужны. Доказав гипотезу Пуанкаре, он решил труднейшую задачу, над которой бились лучшие математические умы мира, – и этой награды лично ему достаточно. Что ему звание академика и премия в миллион долларов? На фоне такого свершения и почести, и миллион выглядят мелочно и суетно.

Конечно, Перельман для нашего прагматичного времени очень нетипичен. Впрочем, он не типичен и для времен минувших. Это человек не от мира сего, и такие всегда были редчайшим исключением. Но это такое исключение, которое как рентгеном высвечивает общую природу науки как социального института. Наука – это, пожалуй, единственный социальный институт, в котором идеальная мотивация превалирует над прагматической. Науку можно уподобить острову бескорыстия посреди океана эгоистических страстей. Самим фактом своего существования она оказывает ни с чем не сравнимое облагораживающее воздействие на общество.

Оппоненты могут упрекнуть нас, что в своей характеристике научного этоса мы некритически воспроизводим известную концепцию Р. Мертона, изложенную в его классическом труде, который был опубликован много лет тому назад⁴¹. (Конечно, речь у нас идет не обо всей концепции, а только о ее ключевом элементе, т. е. о понимании науки как бескорыстного поиске истины.) Основные положения его теории широко известны, вошли практически во все учебники по философии науки и не нуждаются в специальных пояснениях. Взгляды Р. Мертона подвергались критике. Разбирая ее, Е. З. Мирская отметила⁴², что его оппоненты указывали на следующие обстоятельства. Во-первых, утверждения Р. Мертона могут быть отнесены только к фундаментальной науке. Во-вторых, они справедливы по отношению к науке не на всем протяжении ее истории, а только на стадии классики. Согласно утверждениям критиков, на более поздних этапах эволюции науки дело обстоит иначе. В-третьих, и к науке классической концепция Р. Мертона применима лишь с известными оговорками, поскольку в ней описывается не столько реальность, сколько ее идеальный образец. В реальности же мы видим в науке то же самое, что в изобилии встречаем за ее пределами: «ярмарку тщеславия», столкновение амбиций, подсиживание, борьбу страстей. С первым аргументом можно, пожалуй, частично согласиться. Прикладную науку в определенных пределах допустимо трактовать как своеобразный бизнес, который отличается от бизнеса обыкновенного лишь тем, что требует высокой профессиональной подготовки. В бизнесе прагматическая смысложизненная ориентация решительно преобладает над нематериальной. Что касается второго аргумента, то он далеко не бесспорен. Если проанализировать генезис науки, то мы обнаружим, что она возникла на почве практики, но вовсе не из практической нужды. Измерение площади земельного участка – насущно необходимое дело, без которого в Древнем Египте невозможно было заниматься сельским хозяйством. И древние египтяне, осмыслив и обобщив имеющийся практический опыт, нашли способ решить эту задачу. Но построение геометрии как системы теорем, вытекающих из аксиом, – заслуга не египтян, а греков, которые вдохновлялись иной системой ценностей. Выведение теорем было для них увлекательной интеллектуальной игрой, полетом мысли, торжеством духа, свободного от пут практической нужды.

Бескорыстное стремление к истине не исчезло из науки и в наш прагматичный век. Та же Е. З. Мирская в упоминавшейся статье сообщает о результатах одного интересного социологи-

⁴¹ См.: Merton R. K. The sociology of science: theoretical and empirical investigations / ed. and with an introduction by N. W. Storer. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1973. 605 p.

⁴² Мирская Е. З. Р. К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. 2005. Вып. 11. С. 11–27.

ческого исследования. В ходе изучения мотивов, которыми в современных условиях руководствуются ученые Сибирского отделения РАН, был выявлен факт преобладания устремлений нематериального порядка.

«<...> Результаты эмпирического исследования российского академического сообщества, – констатирует Е. З. Мирская, – <...> представляются нам подтверждением сохранения классической модели человека науки и его профессионального поведения»⁴³.

И далее:

«Главная заслуга Р. Мертон – четкая экспликация основополагающих ценностей науки и соответствующих им идеальных принципов научной деятельности, а также непоколебимая уверенность в их действенности. Эта уверенность постепенно вошла в коллективное сознание научного сообщества и до сих пор составляет важную часть менталитета людей, искренне преданных науке, прежде всего – как творческому поиску нового знания»⁴⁴.

Хотелось бы обратить внимание на один нюанс в цитированном высказывании. Е. З. Мирская пишет, что уверенность в действенности идеальных принципов научной деятельности составляет важную часть менталитета ученых до сих пор. Так мы выражаемся в том случае, когда происходящее не соответствует объективной логике процесса. Что-то уже должно исчезнуть, прекратиться, но оно, вопреки всем обстоятельствам, продолжает существовать. Так, кто-то до сих пор пишет текст от руки, а не набирает его на компьютере. Есть люди, которые до сих пор верят астрологическим прогнозам. В констатациях такого типа есть элемент удивления. В самом деле, повсеместно происходящая коммерциализация науки, подобно серной кислоте, должна разесть ее базовые принципы. Однако наука как поиск истины ради истины продолжает существовать, и остаются ученые, которые хранят ей верность.

Бессмысленно возражать против использования экономических критериев при оценке деятельности ученых. Любой труд имеет экономический аспект, и, если мы хотим оставаться на почве реальности, этот факт должен приниматься во внимание. Логика научно-технического прогресса неизбежно приводит к возрастанию объема прикладных исследований, для которых инструментальное отношение к истине является вполне закономерным и естественным. В прикладной науке иная цель, и иные критерии оценки деятельности. Ученый, занимающийся прикладными исследованиями, мыслит не в категориях истина/заблуждение, а в понятиях успех/неудача. Универсальное мерило успеха – деньги. И потому прикладные исследования заключают в себе соблазн стать бизнесменом. Для отдельного ученого такое превращение может означать успех, но для науки такая эволюция связана с потерями.

Настал подходящий момент выполнить наше обещание и вернуться к вопросу о сосуществовании двух типов науки, который затронут в работах А. М. Аблажея. Как уже упоминалось, по его мнению, в ближайшей перспективе в отечественной науке будет иметь место «конкурентное сосуществование двух тенденций – “академической” (классической) и постакадемической (неолиберальной)». В ближайшей, возможно, и так. Но что произойдет потом, когда те поколения ученых, которые хранят традиции классической науки, сойдут со сцены? У какой из двух названных А. М. Аблажеем тенденций имеется конкурентное преимущество? На наш взгляд, ответ на этот вопрос очевиден. Понятно, что в обществе с безусловным доминированием прагматических ценностей (а мы живем в настоящее время именно в таком) победа будет на стороне тех, кто «умеет делать деньги». И это грозит науке тем, что она будет беспощадно утоплена в «ледяной воде эгоистического расчета» (Маркс и Энгельс). Конечно, пере-

⁴³ Там же. С. 26.

⁴⁴ Мирская Е. З. Указ. соч. С. 26–27.

мена такого масштаба произойдет не сразу, поскольку социальные процессы (и в особенности в духовной сфере) обладают громадной инерцией. Сначала дойдет до конца процесс исчезновения научных школ. Научная школа возникает вокруг лидера, который помимо выдающегося ума обладает еще и таким важным качеством, как талант бескорыстия. Но бескорыстие в наши дни – это вредный атавизм, препятствующий успеху. Количество ученых, способных бескорыстно делиться своими идеями с учениками, будет неуклонно сокращаться, пока такой тип ученых вообще не исчезнет. Будет происходить переток исследователей из фундаментальной науки в прикладную как более привлекательную в коммерческом отношении. Логика процесса ведет к тому, что через некоторое время подхватить эстафету фундаментальных научных исследований, будет, в сущности, некому.

В настоящее время у части способных юношей и девушек есть мотив посвятить свою жизнь науке, поскольку этот нелегкий путь открывает возможность общественного признания и дарит шанс оставить свой след в вечности. Но эти идеальные мотивы все более отходят на второй план перед мотивами прагматическими, и коммерциализация науки тому весьма благоприятствует. Общественное признание и благодарная память потомков – награды высокие, но очень уж эфемерные. Другое дело – счет в банке на круглую сумму. Роскошный автомобиль, дорогая недвижимость... Все это ценности вполне реальные, осязаемые, чувственно-наглядные.

Однако преимущественное развитие прикладной науки возможно лишь до известных пределов. Она при всей ее важности и практической полезности все-таки вторична. Прикладная наука занимается разработкой способов практического применения знания, полученного фундаментальной наукой. Но если произойдет кадровое ослабление этой последней, кто будет добывать знание для прикладных исследований? Кроме того, упомянутое выше размывание института авторства, превращение ученого в «менеджера грантовых проектов» также значительно ослабляет для молодого человека привлекательность смысложизненного выбора в пользу науки.

Впечатляющие успехи фундаментальной науки, огромные достижения научно-технического прогресса настраивают нас на оптимистический лад. Кажется само собой разумеющимся, что так будет и впредь до скончания веков. Однако мы наблюдаем в реальности тенденции, которые заставляют снизить градус оптимизма. Коммерциализация науки, фетишизация рыночных методов как способов регулирования научной деятельности ведет к выхолащиванию сущности научного познания. Наука как форма духовного освоения действительности, в которой выражается и утверждается интеллектуальная мощь человечества, вырождается в деятельность по созданию новых технологий, нацеленную на обеспечение интересов корпораций.

Таким образом, органически присущий неолиберализму узко-прагматический подход к науке как к разновидности бизнеса таит в себе угрозу для самого существования института науки.

Возвращаясь к образу науки как реки, созданному З. А. Сокулер, можно сказать, что неолиберальное отношение к науке культивирует использование потока воды в целях ирригации. Орошение позволяет резко повысить эффективность сельского хозяйства, но лишь при соблюдении меры. Если эту меру нарушить, результаты оказываются катастрофическими.

Естественным образом возникает вопрос: какова альтернатива? Что можно противопоставить узкопрагматическому подходу к науке и в чем должен выражаться отказ от него? Эта проблематика требует специального анализа, но мы не имеем права уклониться от определения своей принципиальной позиции. С нашей точки зрения, альтернатива заключается в коренном изменении отношения к науке как со стороны политического руководства страны, так и со стороны широкой общественности. Необходимо осознать, что духовная самооценность науки и ее практическая полезность связаны нерасторжимо. Это требует решительного пересмотра принципов финансирования науки. Наука должна стать главным приоритетом государства, из

чего следует, что средства на нее необходимо выделять в первую очередь, а не по остаточному принципу. Ученым должна быть предоставлена материальная независимость на уровне, достаточном для творческой работы. Это касается как естествоиспытателей, так и обществоведов, как тех, кто занимается фундаментальными исследованиями, так и тех, кто специализируется на прикладных разработках. Такой подход несовместим с системой образования, которая ставит своей целью выработать у человека умение приспосабливаться к наличным условиям. Значит, необходима иная система образования, нацеленная на формирование системного мышления, способная пробуждать в молодых умах жажду познания.

Нам могут сказать, что нарисованная картина – чистейшая утопия, беспочвенное прожектерство. В ответ мы могли бы воспроизвести известный лозунг: «Будьте реалистами – требуйте невозможного». Но мы не станем прибегать к такому способу аргументации, поскольку полагаем, что отказ от узкопрагматического подхода к науке не только возможен, но и необходим. В наше время понимание науки как, прежде всего, эффективного способа вложения капитала кажется естественным и даже единственно возможным. Но ведь и в феодальном обществе деление людей на «благородные» и «низкие» сословия казалось вечным божественным установлением. Изменились общественные отношения, и канула в лету идея установленного свыше неравенства людей. Станет достоянием прошлого и узкопрагматический подход к науке. Но это не произойдет само собой. Нужны сознательные усилия людей, осознающих свою ответственность за будущее.

Объективность науки и ангажированность ученого⁴⁵

В те времена, когда работники науки имели обыкновение подписываться на профильные журналы, дважды в год в периоды очередной подписной кампании у меня случались приступы сомнений и тягостных раздумий. Стоит ли сохранять подписку в том же объеме или сократить количество выписываемых журналов и книг? В пользу первого решения говорит естественный консерватизм привычки. Ну как было отказаться от журнала «Вопросы философии», который я выписывал еще со студенческих лет? Или от журнала «Общественные науки и современность»? Его я выписывал с 1980 г. Да, но ведь надо же соотносить желания с возможностями их удовлетворения! Когда над Россией взошла заря демократии, от многих привычек и обычаев тоталитарных времен пришлось отказаться. Аргумент «от кошелька» явно не в пользу того, чтобы сохранить подписку в прежнем объеме, и год от года, в связи с ростом цен на журналы, этот аргумент становится все более весомым. Но дело не только в материальных тратах, вопрос заключается еще и в том, что чтение многих современных научных журналов – занятие не из самых приятных. Очевидна их идеологическая заданность, их вполне отчетливо выраженная партийность. В особенности это касается журнала «Общественные науки и современность». Чтобы не ходить далеко за примерами, возьмем с полки наугад какой-нибудь номер, например шестой номер за 2003 г. Читаем на обложке «Десятилетие российской Конституции». Понятно, нам будет рассказано о том, как Конституция 1993 г. помогла сохранить мир и стабильность в российском обществе.

Что же, проверим гипотезу. Теме Конституции посвящено две статьи. Первая написана известным поборником демократических ценностей В. Л. Шейнисом. Она имеет заголовок «Состязание проектов» (к истории создания российской Конституции)». Когда читаешь такого рода заголовки, просто оторопь берет. За кого, интересно, принимает нас автор? Кем считает своих читателей редакция? Неужели они всерьез полагают, будто мы не ведаем, что Конституция 1993 г. вовсе не была результатом «состязания проектов»? Зачем нам рассказывать о «состязании проектов», если нынешняя Конституция была навязана народу грубой силой? О состязании можно было бы говорить только в том случае, если бы народу (или его полномочным представителям) был предложен выбор из нескольких вариантов проекта Основного закона. Бессмысленно вести речь о состязании и на этапе подготовки, ибо все остальные варианты проекта команда Ельцина безо всяких церемоний отбросила. Но вопрос о процедуре принятия Конституции все-таки не главный. Естественно было бы ожидать, что В. Л. Шейнис как человек, непосредственно причастный к организации и осуществлению свержения советской власти и реализации антисоветского проекта, поведаст читателю о том, как соотносится замысел и его воплощение. Расскажет о том, как в результате уничтожения «бесчеловечной тоталитарной системы» улучшилась жизнь народа, как возросло благосостояние широких народных масс, увеличилась средняя продолжительность жизни, повысилась рождаемость, упал уровень преступности и т. д. и т. п. Читателю было бы интересно узнать, насколько эффективно работает система разделения властей, о том, как процвел политический и идеологический плюрализм. И что же? Словоохотливый, когда дело касается малосущественных и никому теперь уже не интересных деталей «состязания проектов», В. Л. Шейнис вдруг становится необычайно скуп на слова. Все, что он пожелал сказать по самому важному вопросу, уместилось в один небольшой абзац. Приведем его полностью:

«Мы живем, утверждают критики, принадлежащие к самым различным, подчас противоположным политическим направлениям, в условиях абсолютно

⁴⁵ Опубликовано в сборнике: Аксиология научного познания. Первые Лойфмановские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. Вып. 2. С. 38–55.

недемократической, более чем монархической Конституции. Самое малое, что можно сказать в ответ, сводится к следующему. Хорош или плох, сбалансирован или перекошен был проект, проходивший свой тяжкий путь в официальных структурах Съезда народных депутатов, в политической ситуации, сложившейся в начале 1990-х годов, у него, как у других, не было никакой перспективы на утверждение. А раз так, то выбор был следующий: оставаться на неопределенный срок со старой Конституцией, генерировавшей политический кризис, либо вводить новую путем, легитимность которого была сомнительной. И в этом (втором) случае – еще один выбор. Между жестким «президентским» проектом в первоизданном виде, который мог быть «продавлен» силой президентской власти, и тем существенно преобразованным вариантом, который вышел из стен Конституционного совещания. Какие бы претензии к порядку его формирования и работе ни предъявлялись, сыграло оно роль поистине историческую. Но это предмет особого разговора»⁴⁶.

Итак, из заключительных слов В. Л. Шейниса мы узнаем, что некоторые критики считают Конституцию 1993 г. абсолютно недемократической и более чем монархической. Сказать по совести, нечто подобное мы подозревали и до того, как ознакомились со статьей видного демократа. Какова его собственная позиция – вот что нам интересно было бы узнать. Относится он сам к числу «некоторых критиков» или же вполне удовлетворен состоянием демократии в современной России? Но сомкнуты уста витии. Не дает ответа...

Вместе с тем кое-какие ценные признания в цитированном пассаже содержатся. Из него мы узнаем, что демократия в стране была введена «путем, легитимность которого была сомнительной». И что довели ситуацию до такого состояния как раз те поборники демократии, которые вознамерились принудительно осчастливить народ, не подозревавший о том, сколь тяжело он страдает под свинцовым гнетом тоталитаризма. У «некоторых критиков» может возникнуть совершенно крамольная мысль: что это за демократия такая, которую надо было вводить в действие посредством танковых орудий? И могло ли из такой демократии вырасти что-либо путное? Нет ли закономерной связи между способом, с помощью которого Россия была демократизирована, и фактически сформировавшимся к настоящему времени президентским самодержавием? Но и этими вопросами автор мудро не задается. Зато мы узнаем из статьи нечто совершенно неожиданное, полностью противоречащее всему ее содержанию. Оказывается, Конституционное совещание сыграло «историческую роль». Но ведь нам только что поведали, что проект КС был отброшен как клочок бумаги. О какой же «исторической роли» в таком случае можно вести речь? Мало ли каких прожектов не рождалось в воспаленном воображении утопистов – как зарубежных, так и отечественных?

Итак, автор первой статьи от вопроса о соответствии замысла «демократов» и результатов их правления *уходит*. Вопрос существенный, принципиальный, он подменяет вопросами мелкими, незначительными, представляющими, по правде говоря, интерес сугубо абстрактный. Наша гипотеза не подтвердилась. Но она и не опровергнута, потому что фактически вся статья именитого автора – лукавая попытка оправдать себя в глазах современников и потомков, попытка задним числом обелить себя и своих соучастников перед судом истории. Автор вроде бы отметил, высказался на актуальную тему, но самые главные, принципиальные, фундаментальные вопросы обошел.

Что ж, посмотрим, что написано в статье С. А. Филатова. Названа она очень многообещающе: «Что значит для России Конституция 1993 года?». Прямо в первом абзаце написано:

⁴⁶ Шейнис В. Л. Состязание проектов (к истории создания российской Конституции) // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 19–20.

«<...> В 1993 году – в период фактической революции именно Конституция должна была закрепить новое государственное устройство страны, чтобы прекратить споры и противостояние политических сил и ветвей власти. И эту задачу Конституция в основном выполнила, благодаря чему страна десять лет живет в стабильной обстановке»⁴⁷.

Как замечательно сказано: «страна десять лет живет в стабильной обстановке»! Вакханалия ваучеризации, позволившая кучке воров разграбить достояние народа, создававшееся трудами нескольких поколений советских людей, прошла в обстановке полной стабильности. Чудовищная инфляция, обратившая в пыль сбережения населения, – одно из наиболее очевидных проявлений стабильности. А какой полной мерой вкусили граждане свободной демократической России плоды стабильности в августе 1998 г.! Рождаемость стабильно сверхнизкая, смертность стабильно сверхвысокая. Нет, все-таки умеет С. А. Филатов сказать так, что словам – тесно, а мыслям – просторно. Дальше можно не читать, гипотеза наша полностью подтвердилась.

Впрочем, тот, кто питает слабость к жанру панегирика, может потратить еще 15 минут на чтение текста С. А. Филатова. Тот же, кто ищет в *научном* журнале *научных* материалов, пусть побережет свое время для чего-нибудь менее рептильного.

Редакция журнала заказала статьи к 10-летию Конституции 1993 г. только двум авторам: демократу первой волны В. Л. Шейнису и человеку без убеждений, имеющему репутацию верного слуги всех режимов, С. А. Филатову. Ни одному из «некоторых критиков» слова не дано. Ни автору коммунистического проекта Конституции Юрию Слободкину, ни самому критически настроенному из всех самых критичных критиков Г. А. Явлинскому. А как же плюрализм мнений? А как быть с девизом «я не согласен с вашим мнением, но готов умереть за то, чтобы вы имели право его высказать»? Что-то не видно у редактора журнала В. В. Согрина большого желания умирать за право выступать в журнале всем тем, кто не разделяет его глубоких демократических убеждений. В сущности, журнал этот, хоть он и именуется научным, хоть и написан вроде бы научным языком, отношения к науке не имеет. В нем под видом науки преподносится *чистая идеология*. Когда его читаешь, поневоле всплывают в памяти слова К. Маркса о «предвзятой угодливой апологетике». Можно, конечно, почерпнуть что-то полезное для себя и в *таких* текстах. Возникает, однако, вопрос об эффективности затрат. Стоит ли выписывать и читать журнал, до предела напичканный самым примитивным агитпропом, закамуфлированным под научный текст?

Было бы нереалистично ожидать от общественной науки идеологического нейтралитета. Еще Томас Гоббс писал:

«если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила бы чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то... учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»⁴⁸.

Та же мысль выражена В. И. Лениным гораздо острее и глубже:

«<...> “беспристрастной” социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. <...> Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства – такая же глупенькая наивность, как ожидать

⁴⁷ Филатов С. А. Что значит для России Конституция 1993 года? // *Общественные науки и современность*. 2003. № 6. С. 21.

⁴⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т. Соч.* в 2 т. М.: Мысль, 1989, 1991. Т. 2. С. 79.

беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»⁴⁹.

Так что в современной России ожидать от социально-гуманитарных наук беспристрастности не стоит. И поэтому ни В. Л. Шейнису, ни С. А. Филатову нельзя ставить лично в вину их ангажированность. Любой человек, берущийся высказывать суждения о социальных материях, неизбежно ангажирован, сознает он этот факт или нет, нравится это ему или не очень. Возможно, когда осуществится мечта Циолковского о возникновении человека-животного, способного усваивать энергию прямо из солнечного света, тогда появится и обществовед, коего взгляды совершенно независимы от социальных интересов. Ну а пока мы остаемся просто людьми, мы вынуждены питаться обычной земной пищей, содержащей, как известно, жиры, белки и углеводы. Весьма желательно к тому же, чтобы питание было трехразовым и сбалансированным по основным компонентам. Все это осуществимо, если есть деньги. А их надо зарабатывать. Таким образом, каждый человек вовлечен в систему социальных связей просто в силу того фундаментального факта, что он – существо, обладающее телесностью. Вырваться из этих связей невозможно, стало быть, невозможно и встать над схваткой. К этому имеет смысл добавить, что любой человек вовлечен в социальные отношения и потому, что он является носителем определенной культуры, определенного мировидения. Итак, повторим, никакой личной вины авторов в том, что они стоят на определенной идеологической платформе, нет. Иначе просто быть не может. Вина их заключается в другом: они «играют не по правилам», поскольку под видом науки преподносят читателям голую пропаганду.

Возникает закономерный вопрос о том, в чем состоит различие между наукой и пропагандой. На наш взгляд, оно заключается в генеральной цели деятельности. Основные функции науки – описание, объяснение, прогноз. Главная задача пропаганды – внушение. Пропагандисту, конечно, весьма полезно иметь в голове какое-то целостное представление о проблеме, которую он под определенным углом зрения намерен преподнести аудитории, но в принципе это не так уж обязательно. Пропагандист стремится к тому, чтобы его читатели (слушатели) *поверили* в определенные утверждения. Если для достижения такого эффекта нужны какие-то рациональные аргументы, он их использует; если цели можно достичь иным способом (например, запугиванием, обещанием какого-то блага, апелляцией к предрассудкам и мифам и т. д.), пропагандист прибегает к ним. Как говорил П. Фейерабенд, *anything goes*. Истина для пропагандиста – ценность инструментальная. Он пользуется ею лишь в той мере, в какой это необходимо для обеспечения желаемого результата. Поэтому все факты, которые не укладываются в пропагандистский канон, игнорируются, а остальные трактуются в выгодном для указанного канона свете.

В естествознании ученый может себе позволить роскошь беспристрастности, поскольку изучаемый предмет не затрагивает ничьих интересов. Энтомолог, описывающий определенный вид насекомых, не вступает в конфликт с правящими классами; впрочем, у него нет и возможности лизнуть властвующую длань. Такой ученый в наибольшей степени приближается к идеалу свободного исследователя, предающегося размышлениям в башне из слоновой кости. Но только приближается, слиться с ним не дано даже тем труженикам науки, которые занимаются наиболее удаленными от практических нужд вопросами. Дело тут заключается в том, что ученый не является одиночкой, он включен в научное сообщество, т. е. довольно сложную социальную систему, которая существует и развивается по своим собственным законам. Таковы они, как их описал Т. Кун в своем классическом труде «Структура научных революций», или нет, – вопрос в данном случае несущественный. Важно зафиксировать два бесспорных утверждения: 1) ученый творит в русле определенной традиции, школы, концепции, доктрины и 2) это обстоятельство налагает на него определенные обязательства. Последние могут

⁴⁹ Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

и не осознаваться, что, впрочем, не имеет никакого значения. Ученый видит свой предмет через определенные теоретические очки – вот что существенно. Иначе говоря, в любом научном исследовании – даже том, которое не затрагивает социально-классовых интересов, – существует определенная субъективная установка исследователя, его заинтересованность в получении именно такого, а не иного результата.

Самое трудное в жизни – быть самим собой. Сохранить независимость суждений. Не впадать в эйфорию, когда все вокруг охвачено восторгом. Не поддаваться соблазну отречения от старого мира. Не утратить способности видеть белое белым, даже если самые крупные авторитеты будут уверять, что перед тобой – чернота. Не потерять веру в элементарные истины. Одной из таких истин является следующая: отличие науки от других форм духовного освоения действительности заключается в ее нацеленности на получение объективно-истинного знания. Можно, конечно, демонстрировать, как это делает, например, П. Фейерабенд, наличие элементов «агитации и пропаганды» в науке, можно показывать, что всякий конкретный научный результат несет на себе неизгладимую печать субъективности ученого и т. п., но никуда не деться от признания того факта, что стремление к объективному знанию – *differentia specifica* науки. Конечно, само по себе понятие объективности знания не является совершенно простым; если бы дело обстояло иначе, для понимания истины достаточно было бы здравого смысла, никаких усилий теоретического разума не потребовалось бы. Но при любом истолковании понятия объективности (не порывающего, конечно, с мировой традицией) в «сухом остатке» будет противопоставление объективного как чего-то такого, что, во-первых, свойственно объекту, а не познающему его субъекту, а во-вторых, от субъекта не зависит. Свет *действительно* распространяется с конечной скоростью; Антарктида *на самом деле* покрыта ледником. А соотношения между количественными характеристиками вещей, зафиксированные в таблице умножения, присущи *самим* вещам. Если бы дело обстояло иначе, результат зависел бы от воли и желания субъекта. В таком воображаемом мире продавец товара, умножая количество штук на цену, получал бы цифру заведомо большую, чем покупатель. А покупатель, соответственно, обязательно меньшую, чем продавец. Но это повлекло бы полное прекращение торговли и неизбежный распад социальной ткани. В мире вменяемых людей ничего подобного не происходит именно по той причине, что вещи заставляют их считаться со своими свойствами.

Потребность в знании объективных взаимосвязей коренится в самой природе человеческой деятельности. Животному вполне достаточно знать, каковы свойства вещей в их отношении к его организму. Например, медведю из опыта известно, что ягоды черемухи Маака съедобны и вкусны. Чтобы их добыть, он ломает деревья, используя свою массу и мускульную силу. Человеку же необходимо знание того, каковы свойства дерева по отношению к другим вещам. Он берет в руки палку и сбивает ею плоды. Он обрабатывает вещи из дерева, создавая из них либо предметы потребления (например, жилище), либо орудия труда. Каменный топор с деревянной ручкой не мог бы быть изготовлен, если бы человек не знал свойств, которые проявляет дерево по отношению к камню. Вот это свойство вещей, что обнаруживает себя в их взаимодействии, и есть *объективное* свойство, т. е. свойство, существующее *действительно, на самом деле*. Человек выработал в себе способность выявлять такие свойства и использовать их в своих целях. Но сами эти свойства существуют до человека, независимо от человека и помимо человека.

Обрабатывая предметы природы в соответствии с их объективными свойствами, человек приобретал определенные познания. Это были познания на уровне эмпирии, но и они уже содержали в себе потребность в обобщении и возможность обобщения. Так, древний человек, разыскивая в скальных россыпях что-нибудь такое, что пригодно для превращения в каменный топор, останавливал свое внимание на камнях, которые по размерам и форме более или менее подходили для поставленной цели, т. е. могли быть превращены в топор при минимальных затратах времени и сил. Тем самым в его сознании происходила работа генерализации, фор-

мирования обобщенного образа подходящей заготовки. Эмпирическая генерализация – даже самая примитивная – это уже шаг в направлении познания сущности. Логика процесса влечет человека к раскрытию общих принципов устройства вещей, к поиску порядка в хаосе, устойчивого в текучем, одинакового в многообразном, закономерного в случайном. Именно на стрекне этого течения и формируется наука как деятельность по раскрытию сущности вещей.

Бесспорно, что наука не вырастает непосредственно из познавательной деятельности, связанной с производственной деятельностью человека. Но верен и тезис о том, что научное познание и познание стихийно-эмпирическое принадлежат к одной родовой сущности. В обоих видах познания выявляются объективные свойства вещей. Различие между донаучным познанием и наукой состоит не в гносеологическом статусе добываемого знания, а в его, так сказать, качестве. В одном случае знание носит поверхностный, а во втором – сущностный характер. Дело принципиально не меняется от того, что глубина постижения реальности увеличивается по мере технического и интеллектуального прогресса субъекта. На определенном этапе развития научного познания возникает так называемая стандартная концепция научного познания, суть которой состоит в утверждении принципиальной возможности полностью устранить элемент субъективности из наших представлений о предмете⁵⁰. Как справедливо отмечает Л. А. Микешина, эта концепция «в значительной мере покоится на предпосылках созерцательного материализма»⁵¹. Созерцательный материализм преодолевается материализмом диалектическим, но это преодоление заключается не в отбрасывании, а в дальнейшем развитии, в диалектическом снятии. Марксистский материализм сохраняет идущее от прежнего материализма представление о том, что мы познаем сам мир, а не наши представления о нем, но понимает этот тезис иначе, с учетом реальной сложности процесса познания. Л. А. Микешина в 1990 г. характеризовала марксистскую концепцию так:

«...Научное познание уже понимается как активно-деятельное отражение объективного мира, детерминированное в своем развитии не только особенностями объекта, но также и исторически сложившимися предпосылками и средствами; как процесс, ориентированный мировоззренческими структурами и ценностями, лежащими в фундаменте исторически определенной культуры»⁵².

Иначе говоря, теперь мы понимаем, что наше представление о предмете является конкретно-историческим, что оно с течением времени неизбежно меняется, развивается, углубляется.

Преодоление созерцательности состоит не только в том, что в понимание процесса познания вводится историческая координата. Преодоление созерцательности означает также и такую трактовку познания, когда оно рассматривается не в качестве самодовлеющей деятельности, а как момент практического преобразования мира. Принцип связи познания с практикой дает возможность понять, какой именно смысл вкладывается в утверждение, что свет действительно имеет конечную скорость, а Антарктида действительно (на самом деле) покрыта ледником. Каждое из этих утверждений удостоверяется практикой, причем таким образом, что всякие сомнения в том, что они есть порождение чьего-то незнания, недомыслия, субъективного хотения или, наоборот, нежелания, для человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти, совершенно невозможны.

⁵⁰ Эта концепция описана М. Малкеем в книге «Наука и социология знания» (М.: Прогресс, 1983. 252 с.). Сжатое изложение концепции М. Малкея представлено Л. А. Микешиной в книге: *Микешина Л. А. Ценностные предпосылки в структуре научного познания*. М.: Изд-во МПГИ им. В. И. Ленина, 1990. С. 57–58.

⁵¹ *Микешина Л. А.* Указ. соч. С. 58.

⁵² Там же. С. 61.

Меняется что-либо в том случае, когда предметом познания становится не природа, а общество? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо констатировать тот факт, что в самой социальной реальности есть, с интересующей нас точки зрения, два пласта. Первый пласт – те элементы и аспекты социальной жизни, которые обладают «природоподобной» материальностью. В указанной связи уместно напомнить о том тривиальном факте, что человек – существо живое, телесное. В этом своем качестве он целиком и полностью подчиняется законам живого: рождается, дышит, удовлетворяет жажду, питается, воспроизводит себе подобных и умирает. Эта сторона бытия человека может быть зафиксирована и описана в принципе таким же образом, каким в биологии фиксируются и описываются факты, относящиеся к жизни, например, носорогов или слонов. Статистически значимые совокупности фактов, относящиеся к бытию человека как телесного существа, составляют эмпирический базис демографии. «Природоподобной» материальностью обладает вся искусственная среда, которая создана человеком за многие тысячелетия социальной эволюции. В качестве предмета познания она принципиально не отличается от среды, не затронутой преобразовательной деятельностью человека. Вопрос об ангажированности исследователя, изучающего «природоподобные» аспекты социального бытия, решается таким же образом, как и вопрос об ангажированности биолога, химика, физика, астронома и т. п. Описывая динамику демографических показателей, демограф не более ангажирован, чем, например, этолог. Но, переходя к интерпретации этих данных, демограф не может сохранить ту же дистанцию между собой и объектом, какую безо всякого специального усилия держит этолог. Это обстоятельство связано с реальной вовлеченностью демографа в идейную, политическую, социально-классовую, в конечном счете, борьбу.

«Природоподобная» реальность выступает в социуме в качестве предпосылки и условия существования иной по типу реальности, специфичной для социальной жизни. Ее сущность глубоко раскрыта К. Марксом, прежде всего, в «Капитале». Анализируя категорию товара, великий мыслитель писал:

«Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы вещества природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И тем не менее, стол остается деревом, – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь»⁵³.

Объективность «чувственной вещи», созданной человеком, ничем не отличается от объективности природного объекта, не затронутого человеческой деятельностью. Отсюда следует, что «природоподобная» реальность, взятая как предмет познания, ничем не отличается от реальности природной. Обществовед познает ее точно так же, как естествоиспытатель изучает законы движения и развития материальных объектов. Абстрагируясь от «сверхчувственной» реальности, мы должны признать полное тождество социально-гуманитарных и естественных наук в интересующем нас отношении. Гуманитарий здесь не более ангажирован, чем ученый, постигающий тайны природы. Совершенно ясно, что такое абстрагирование допустимо лишь в очень узких пределах. Специфику общества как системы составляет иная реальность – та, которая названа К. Марксом сверхчувственной. Так, арбуз как предмет природы обладает определенными объективными характеристиками. Он имеет массу, консистенцию, химический состав, занимает определенный объем в пространстве и т. п. Но определенность арбуза как товара, обладающего некоторой меновой стоимостью, не может быть уловлена в терминах физики, химии или биологии. Это уже определенность *экономическая*, т. е. определенность социальных отношений. В чувствах она непосредственно не дана, хотя факт ее существова-

⁵³ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 81.

ния ни для кого не составляет секрета. Она-то как раз и обуславливает ту специфичность социального познания, которая столь ярко, с классической ясностью, охарактеризовали Гоббс и Ленин. В западноевропейской философии наиболее известные попытки анализа проблемы объективности социального познания предприняты Г. Риккертом и М. Вебером. Г. Риккерт пытался решить эту проблему, опираясь на принципы кантианства. Рассматривая соотношение естествознания и общественных наук (в его терминологии «науки о природе» и «науки о культуре»), он пришел к выводу, что в случае общественных наук

«мы встречаемся с объективностью совершенно особого рода, которая, по-видимому, не сумеет выдержать сравнения с объективностью генерализующего естествознания»⁵⁴.

Говоря иными словами, в науках о культуре возможно получение объективного знания, но это объективность второго сорта. Смысл этого различия становится более понятен, когда мы проанализируем другие высказывания Г. Риккерта. Так, он пишет:

«Историческому изложению, отличающему существенное от несущественного, присущ характер, заставляющий сомневаться в том, следует ли к нему вообще применять определение истинности»⁵⁵.

Как видим, автор не отказывает в праве считаться истинным (а это то же самое, что объективным) такому знанию об обществе, в котором факты излагаются «как они есть», без попытки их обобщения. Но знание, в котором существенное отделено от несущественного, т. е. знание обобщенное, рассматривается им как знание не вполне доброкачественное. Тенденция автора становится еще более понятной, когда мы посмотрим, кого и за что он критикует. Объектом его эскапад является, естественно, марксизм, точнее говоря, исторический материализм. Пропитируем соответствующие высказывания. Г. Риккерт заявляет:

«<...> Так называемое материалистическое понимание истории <...> в большей части зависит от специфических социал-демократических стремлений»⁵⁶.

И далее:

«Это уже не эмпирическая историческая наука, пользующаяся методом отнесения к ценности, но насильственно и некритически сконструированная философия истории»⁵⁷.

Сама фраза построена таким образом, что может сложиться впечатление, будто исторический материализм отвергается Риккертом как *плохая* философия истории. Однако дальнейшее ознакомление с текстом заставляет отказаться от такого толкования его слов. С точки зрения Г. Риккерта, *любая* философия истории притязает на слишком многое – на то, чтобы постигнуть смысл событий, т. е. всякая философия истории *плоха*. Об этом свидетельствует следующее утверждение:

«Исторический материализм, как и всякая философия истории, основывается на определенных ценностях»⁵⁸.

Отсюда следует, что

⁵⁴ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 123.

⁵⁵ Риккерт Г. Указ. соч. С. 124.

⁵⁶ Там же. С. 111.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

«его высмеивание идеализма сводится к замене старых идеалов новыми, а не к устранению “идеалов вообще”»⁵⁹.

Таким образом, обществознание, с точки зрения Г. Риккерта, только в том случае имело бы статус «настоящей» науки, если бы отрешилось от идеалов, т. е. если бы из него была изгнана ангажированность ученого. Г. Риккерт не объяснил в своем труде, как это осуществить практически. Таким образом, он не разрешил дилемму ангажированности и объективности социального познания, а просто пожертвовал одной частью оппозиции ради спасения другой. Для обществоведа, который воспринял бы решение Г. Риккерта всерьез, вопрос встал бы таким образом: либо ты копишь факты и фактики и тогда, следовательно, добываешь объективное знание, и потому имеешь право называться ученым, либо исповедуешь какие-то идеалы, и тогда ты не ученый, а что-то вроде художника; художник же претендовать на объективную ценность полученных результатов не вправе. Максимум, на что может художник рассчитывать, – на субъективную убедительность созданного им изображения.

Именно в духе предложенного Г. Риккертом решения и развивается позитивистски ориентированное обществознание, позиции которого наиболее сильны в эмпирической социологии.

Иное решение было предложено М. Вебером – мыслителем, менее склонным к абстрактному теоретизированию и лучше чувствующим биение пульса реальной жизни. Внешним поводом для размышлений об объективности общественных наук стало для М. Вебера создание нового научного журнала. «Архив социальных наук и социальной политики»⁶⁰, членом редакции которого М. Вебер с 1904 г. являлся. Определяя статус журнала, М. Вебер пишет:

«“Архив” с самого начала стремился быть чисто научным журналом, пользующимся только средствами *научного* исследования»⁶¹.

Но чем *средства* научного исследования отличаются от таких средств, которые к науке отношения не имеют? Отвечая на этот вопрос, М. Вебер отталкивается от очевидного различия двух уровней научного познания: теоретического и эмпирического. Что касается эмпирической науки, то ее

«задачей <...> не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практической деятельности»⁶².

Продолжая свою мысль, выдающийся немецкий социальный мыслитель заявляет:

«Это не означает, что оценочные суждения вообще *не должны присутствовать* в научной дискуссии, поскольку в конечном счете они основаны на определенных идеалах и поэтому «субъективны» по своим истокам»⁶³.

Как видим, М. Вебер не считает возможным резко противопоставить эмпирию и теорию в социальном познании. И эмпирия не свободна от влияния теоретических установок (идеалов), и сами идеалы не совершенно субъективны. Они субъективны по истокам, да, но это вовсе не означает, что они произвольны. Вот суждение М. Вебера на этот счет:

«Научное рассмотрение оценочных суждений состоит не только в том, чтобы способствовать пониманию и сопереживанию поставленных целей и

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.

⁶¹ Там же. С. 346.

⁶² Вебер М. Указ. соч.

⁶³ Там же.

лежащих в их основе идеалов, но и в том, чтобы научить критически судить о них»⁶⁴.

Но что такое критика? Познавательная процедура, возможная лишь в том случае, когда ее объект рассматривается как нечто доступное рациональному постижению. Так, в рамках теологии догматы религии не могут быть предметом критики, они являются лишь предметом толкования. Критика догматов возможна только извне. Критика, далее, предполагает сопоставление утверждений (в том числе и оценочных) с некоторыми другими утверждениями по правилам логики, которые являются одинаковыми для всех.

«Методически корректная научная аргументация в области социальных наук <...> должна быть признанной правильной и китайцем»⁶⁵,

– так формулирует свое понимание вопроса М. Вебер. При этом он не отвергает права исследователя на ангажированность, более того, предписывает следовать определенному идеалу, т. е. быть ангажированным. Именно так можно понять следующее его утверждение:

«Постоянное смешение научного толкования фактов и оценивающих размышлений остается, правда, самой распространенной, но и самой вредной особенностью исследований в области нашей науки. Все сказанное здесь направлено против такого смешения, но отнюдь не против верности идеалам. Отсутствие убеждений и научная “объективность” отнюдь не родственны друг другу»⁶⁶.

М. Вебер выступает решительным противником эклектики:

«Средняя линия ни йоту не ближе к научной истине, чем идеалы самых крайних правых или левых партий»⁶⁷.

Таким образом, М. Веберу удастся сохранять обе стороны оппозиции «ангажированность/объективность», не жертвуя одной ради другой. Ученый получает право на истину не только в том, что касается описания фактов, но и в создании теорий высокого уровня обобщения. Социальная философия обретает статус такой же «первосортной» науки, как и все прочие.

М. Вебер известен как непримиримый критик марксизма, более того, вся его концепция строилась именно как альтернатива марксизму. Однако объективный результат его размышлений скорее подтверждает, чем опровергает марксистский принцип классовости социального познания. Вспомним о том, как высоко ценил Маркс труды классиков английской политической экономии – А. Смита и Д. Рикардо. Они прямо и открыто выражали интересы класса буржуазии. И с каким откровенным презрением он относился к их историческим преемникам, скрывавшим свою ангажированность.

Теперь вернемся к исходному пункту размышления об объективности науки и ангажированности ученого. Нами были процитированы две статьи из журнала «Общественные науки и современность». Обе статьи, как может убедиться любой непредубежденный читатель, чрезвычайно тенденциозны. И та идейная позиция, которая в них выражена, нами, понятно, не разделяется. Вопрос, однако, не в том, каков характер ангажированности авторов статей, а в другом: можно ли указанные статьи числить по ведомству науки? Отвечают ли они критериям научности? Концепция М. Вебера позволяет дать на этот вопрос вполне конкретный ответ: нет, не отвечают. То, что нам преподносится под видом науки, на самом деле представляет собой обычную апологетику. Почему? Да потому что нарушены элементарные требования

⁶⁴ Там же. С. 349.

⁶⁵ Там же. С. 354.

⁶⁶ Там же. С. 355.

⁶⁷ Там же. С. 352.

научной методики. Выражаясь словами М. Вебера, и китайцу понятно, что авторы не ставили своей целью доказать, в соответствии с требованиями логики, свою правоту. Они не обосновывали истинность своих утверждений, нет, они занимались элементарной софистикой. Их метод – замалчивание существенных обстоятельств, выпячивание на первый план второстепенных деталей и подробностей, односторонняя интерпретация фактов, которые невозможно скрыть или замолчать. Настоящий ученый, а не апологет, так не поступает.

Поэтому можно предложить несколько практических рекомендаций с целью различения апологетики и науки.

Рекомендация первая. Прежде всего, необходимо поинтересоваться, что говорит автор о своей ангажированности. Если никаких внятных заявлений нет, этот факт должен насторожить. Либо автор не имеет позиции (и тогда его труд никакого научного интереса не представляет), либо автор стремится понравиться всем. Но тот, кто желает быть дамой, приятной во всех отношениях, фактически принадлежит к числу людей, цели которых лежат вне науки. В обществе, разорванном трещинами классовых антагонизмов и отражающих их несовместимых идеологий, снискать расположение всего научного сообщества нереально. Впрочем, возможен и такой вариант: автор не декларирует свою идейную позицию из-за недостатка мужества. Придерживаться определенной линии у него хватает решимости, но открыто заявить о ней – нет. Поэтому само по себе отсутствие заявлений о своей партийной принадлежности (я имею в виду, конечно, партии в науке) еще не является достаточным свидетельством того, что перед нами – случай апологетики.

Рекомендация вторая. Необходимо проанализировать, как автор относится к фактам, «невыгодным» для его теории. Настоящий ученый не станет их избегать, напротив, он будет выискивать такие факты и стремиться дать им объяснение с позиций своей концепции. Если же автор приводит только те соображения и факты, которые «работают» на него, то это может означать только одно: перед нами – не наука, а агитация за «единственно верное учение». Таковы, например, теоретические изыскания Ю. Л. Пивоварова, предложившего научному сообществу концепцию «сжатия экономической ойкумены» России⁶⁸. Критика этой концепции уже дана в литературе⁶⁹, поэтому нет смысла вдаваться в детали. Основная идея этой «концепции» чрезвычайно проста: северные и дальневосточные территории для России содержать слишком обременительно, поэтому надо «временно» перестать вкладывать государственные средства в их удержание и освоение. Сама по себе такая идея не выходит за границы науки. В науке предметом обсуждения могут быть самые странные идеи, вплоть до безумных. Но научный этос требует, чтобы автор, дерзающий предлагать научному сообществу какую-то концепцию, анализировал и возможные возражения против нее. И уж совершенно недопустимо игнорирование критических аргументов. У Ю. Л. Пивоварова мы видим и то, и другое. Все его работы выстроены таким образом, что в них не остается места для обсуждения контрдоводов. Так, возникает вполне очевидный вопрос: а как долго будет продолжаться «временное» отступление России с достигнутых позиций? И другой вопрос, еще более интересный: как на такое «сжатие ойкумены» посмотрят соседи, испытывающие острый недостаток ресурсов? Если бы Ю. Л. Пивоваров попытался дать ответ на оба этих само собой разумеющихся вопроса, то его взгляды имели бы шанс оставаться в границах науки. Но дело обстоит иначе: Ю. Л. Пивоваров

⁶⁸ См.: Пивоваров Ю. Л. Мировая урбанизация и Россия // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 63–74; *Его же*. Мировая урбанизация в России на пороге XXI века // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 12–22; *Его же*. Сжатие «экономической ойкумены» России // Свободная мысль. 1997. № 3. С. 68–77; *Его же*. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

⁶⁹ См.: Лившиц Р. Л. О концепции сжатия экономической ойкумены России // Сибирь на пороге третьего тысячелетия: прошлое, настоящее, будущее: материалы регион. науч. – практ. конф. Новосибирск, 1998. С. 109–113; *Его же*. Удержит ли Россия свои дальневосточные территории? // Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы: материалы регион. науч. – практ. конф. Т. 2. Политика. Гражданское общество. Хабаровск, 2003. С. 19–29.

такие неудобные для себя вопросы не ставит, более того, он имеет обыкновение игнорировать любые критические замечания в свой адрес.

Рекомендация третья. Если автор оперирует большим количеством цифр и статистических данных, следует проявить особую бдительность. С помощью цифрового материала можно глубже раскрыть те или иные социальные тенденции, а можно и исказить их, представить в нужном свете. Для этого апологет выпячивает на первый план несущественные данные и отводит тем самым глаза публики от фактов, имеющих принципиальное значение. Примером может служить статья Е. М. Авраамовой⁷⁰. Статья содержит неимоверное количество цифр, в ней 5 довольно обширных таблиц, словом, соблюден весь научный антураж. Но это именно антураж, потому что автором тщательно обойдены главные вопросы: какие социальные слои в современной России имеют возможность делать сбережения? в каком размере?

Автор мимоходом замечает:

«Вполне очевидно, что у большинства терпящих нужду нет сбережений, хотя часть из них имеющиеся небольшие суммы вкладывает в Сбербанк или хранит в виде наличных денег»⁷¹.

Но ведь без учета того, каково количество этих самых «терпящих нужду», вся картина экономического поведения людей оказывается совершенно искаженной. Автор утопил суть вопроса в потоке цифр и фактов. Да, это не примитивная апологетика в стиле В. Л. Шейниса, статья Е. М. Авраамовой выглядит солидно и респектабельно, но суть в обоих случаях одна.

Рекомендация четвертая. Следует обратить серьезное внимание на язык, которым написана та или иная работа. Ученый, взыскующий истины, «ищет речи точной и нагой». Он стремится излагать вопрос таким образом, чтобы вопрос стал ясен и самому себе, и его читателям. Конечно, научная работа – не детектив, сделать ее занимательной вряд ли возможно, да и не нужно. Но если язык переусложнен, если глаз с трудом продирается сквозь завалы слов, постоянно натываясь на препятствия в виде длинных-длинных периодов, массы новых терминов, невнятицу и вообще всяческую заумь, то можно с большой долей уверенности предполагать, что перед нами случай, когда ангажированность подавила объективность.

Резюме

Ни один обществовед не может избежать ангажированности. Настоящий ученый – не тот, который скрывает свою ангажированность или смущается ею, а тот, кто ее ясно осознает и открыто декларирует. Доблесть ученого состоит в том, чтобы обосновать истинность сделанного им мировоззренческого выбора. Это обоснование должно происходить во всеоружии методического арсенала науки и в полном соответствии с ее критериями. Тот, кто не способен или не желает защищать свою позицию с поднятым забралом и подгоняет свои доводы под заранее известный результат, – не ученый, а агитатор, пропагандист, апологет.

⁷⁰ См.: Аврамова Е. М. Сберегательные стратегии россиян // *Общественные науки и современность*. 1998. № 1. С. 27–40.

⁷¹ Там же. С. 33.

Пределы субъективности ученого⁷²

Ангажированность – это лишь один из аспектов субъективности. Поэтому вполне логичной представляется постановка более общей проблемы – каковы пределы субъективности в научном исследовании, на что ученый имеет право, а на что – нет. Иначе говоря: что ему позволительно делать, оставаясь в границах науки как способа духовного освоения действительности, а что нежелательно или даже категорически противопоказано. Ответ на этот вопрос представляет собой не только академический, но и практический интерес, поскольку наука в современном мире – влиятельный социальный институт, один из важнейших объектов государственного управления. Таким образом, актуальность поставленной проблемы связана с двумя обстоятельствами:

- во-первых, с широким распространением в современном обществе (не только российском) наукоподобных феноменов, претендующих на то, чтобы считаться аутентичной наукой;
- во-вторых, с необходимостью управления наукой как социальным институтом. В деятельность этого института вовлечены миллионы людей, и одно это лишает его возможности функционировать на началах самостоятельности.

Специально подчеркнем: в наши намерения не входит углубляться в классический философско-методологический вопрос о соотношении объективных и субъективных моментов в научном исследовании. Желая ознакомиться с современными подходами к его решению, могут обратиться к доступным источникам⁷³. Такое понимание задачи связано с тем, что мы хотели бы рассмотреть проблему субъективности ученого не столько в гносеологическом, сколько в социально-философском плане.

В связи с амбивалентностью понятия субъективности необходимо выявить тот его смысл, который мы намерены в данной статье актуализировать. В обыденном словоупотреблении под субъективностью чаще всего понимают пристрастность, нежелание считаться с очевидностью, вкусовщину, неспособность признать правоту оппонента и т. п. В общем, это слово явным образом имеет отрицательные коннотации. Мы же склонны трактовать понятие субъективности в позитивном ключе, сближая его с понятием субъектности. Обладать субъективностью – значит иметь собственную позицию, быть способным приводить в ее пользу рациональные аргументы и подвергать критике иную точку зрения, делать осознанный выбор. Человек, наделенный качеством субъективности, – это тот, кто принимает решения сам, а не следует бездумно чужим решениям. Поэтому в нашем понимании субъективность ученого – это не его индивидуальные особенности, а способность принимать осознанные решения в сфере своей профессиональной компетенции.

Поставленная таким образом проблема имеет и метафизический, и непосредственно-практический смысл. В мировоззренческом плане она представляет собой частный случай проблемы свободы в сфере профессиональной деятельности. Любая профессия предоставляет человеку определенную возможность творческой самореализации. Некоторые – малую, некоторые – очень значительную. Общий закон состоит в том, что объем свободы в профессиональной деятельности коррелирует со степенью рутинности выполняемых функций. Рабочий на конвейере должен поставить определенную деталь в строго отведенное для нее

⁷² Опубликовано в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» (2019. Т. XVI, вып. 3. С. 63–72).

⁷³ См.: *Егоров Г.* Объективность и научные объекты в современной эпистемологии // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* (East European Scientific Journal). 2017. № 12 (28). Р. 58–64; *Иванов С. Ю.* О диалектике субъективного и объективного в научном познании // *Альманах современной науки и образования*. 2015. № 3 (3). С. 37–39; *Тимофеев В. Л., Клевова Р. С.* О методологии научного исследования в классической науке // *Вестник ИжГУ им. М. Т. Калашникова*. 2017. Т. 20, № 3. С. 153–159; *Чершкова И. В.* О диалектике субъективного и объективного в научном познании // *Известия Том. политехн. ун-та*. 2010. Т. 316, № 6. С. 82–87.

место. Время на операцию выверено с точностью до десятых долей секунды. Медсестра, делая внутривенную инъекцию, имеет право выбирать, в какую именно вену вводить лекарство. Ее профессия предполагает уже существенно большую в сравнении с работой на конвейере свободу действий. Но диагноз все-таки ставит не она, а врач. Постановка диагноза – творческий процесс, который требует гибкости мышления, умения выбирать между разными вариантами тот, который в наибольшей степени соответствует подлинной природе патологического процесса. Но все эти варианты так или иначе исходят из объективной картины, создаваемой набором симптомов, данных анализов и т. п. Врач волен осмысливать эту картину различными способами, выдвигая самую правдоподобную гипотезу, но он не имеет права примысливать одни факты и игнорировать другие.

Профессия ученого имеет много общего с профессией врача. Суть научной деятельности – добывание фактов и их последующее обобщение. Конечно, не каждый конкретный исследователь прodelывает всю необходимую работу ума – от обнаружения факта до создания завершенной теории. В науке существует разделение труда, специализация, кооперация усилий и т. д. Поэтому, произнося слово «ученый», мы имеем в виду не конкретно Кузнецова, Смита или Шмидта, а некий собирательный образ, работника науки как такового.

Итак, ученый как представитель творческой профессии имеет право на субъективность, более того, он не имеет права не быть субъективным. На это указывает, например, К. С. Пигров⁷⁴. Он пишет:

«Всякая новизна, представая как отрицание уже существующего, общепризнанного, предстает в качестве нарушения существующего теоретического и социального порядка. Напротив, конформизм ученого, желание “соответствовать ожиданиям” влечет за собой так называемое “лукавство в науке”, т. е. попытки подогнать полученные результаты под теоретические ожидания научного сообщества»⁷⁵.

Как видим, недостаток субъективности К. С. Пигров характеризует как конформизм. Избыток субъективности названный автор связывает с безумием, антиобщественностью и дилетантизмом⁷⁶. На наш взгляд, подход К. С. Пигрова применим к более широкому кругу проблем, чем тот, который является предметом нашего интереса. По существу, названный автор рассматривает не столько проблему свободы творчества в науке, сколько общую проблему творческой свободы. Выход за пределы норм мышления (безумие), как и социальных норм (антиобщественность), происходит тогда, когда свобода творчества отделяется от ответственности, когда у субъекта деятельности происходит дезориентация, сбивается стрелка морального компаса, указывающая на полюс добра. Этот сюжет исключительно интересен, однако в рамках данной работы мы не имеем возможности его рассматривать.

Конечно, ученый, будучи «в миру» простым смертным, имеет и тот уровень субъективности, который положен ему в качестве такового. «Когда не требует поэта к священной битве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен». Ученый может интересоваться футболом, а может считать его недостойной внимания забавой. Его право – увлекаться рыбалкой или проявлять к этому увлечению полное равнодушие. Никто не может потребовать от него, чтобы он любил стихи Маяковского, а поэзию Еvtушенко считал плохо зарифмованной политической пропагандой. Бытовые предпочтения, эстетические вкусы, индивидуальные пристрастия – это все такие вещи, которые находятся вне профессиональной деятельности ученого, и здесь общество накладывает на него не больше ограничений, чем на человека любой

⁷⁴ См.: Пигров К. С. Научные инновации в контексте аналитики субъективности (аспект негативного) // Мысль. Санкт-Петербургское философское общество. 2008. Вып. 7. С. 148–152.

⁷⁵ Там же. С. 149.

⁷⁶ Пигров К. С. Указ. соч. С. 150.

другой профессии. Но всякая профессиональная деятельность предъявляет к человеку специфические требования, т. е. ставит пределы его субъективности. Так, врач не вправе действовать против интересов больного. Военнослужащий обязан беспрекословно повиноваться приказу командира. Профессия политика несовместима с простодушием, а работа юриста – с доверчивостью. Каковы же те «красные флажки», за которые нельзя переступать ученому? Или переформулируем вопрос: что должен совершить ученый, чтобы утратить право им быть?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить, в чем состоит сущность науки как формы духовного освоения действительности. Без такого представления, без генеральной идеи, направляющей нашу мысль, невозможно разобраться в том многообразии феноменов, которые, обладая теми или иными чертами сходства с наукой, к ней в действительности не принадлежат.

Традиционно природу науки характеризуют путем выделения существенных специфических черт: объективности, предметности, системности, доказательности и некоторых других. Мы не намерены этот подход оспаривать, более того, вполне с ним солидарны. И в учебном курсе философии науки он не только удобен, но и, пожалуй, единственно возможен, ибо для понимания сложных материй нужно знать азбучные истины. Однако для целей настоящего исследования он не очень подходит, поскольку не дает возможности увидеть то, что в интересующем нас аспекте является главным, определяющим: не позволяет выделить свойство, утрата которого автоматически выводит духовную деятельность за пределы науки. Поэтому мы применим нестандартный ход рассуждений: попытаемся ответить на вопрос о том, какое (содержательно, а не формально) общее свойство науке заведомо НЕ присуще. Такая постановка вопроса неявно подразумевает наличие некоторого существенного общего признака, который имеется у всех других видов духовной деятельности, внешних по отношению к науке. Остается этот признак выявить.

Сначала рассмотрим исходный тип мировоззрения, первичную форму духовного освоения действительности, впрочем, вовсе не утратившую актуальность и в наши дни, – мифологию. Мифологическое мышление имеет своей целью упорядочить мир, сделать его близким человеку и понятным ему. Почему у бурундука на спине три полосы? Ответ мифа прост и ясен: в некое время оно (сакральное время) некий медведь провел лапой по спине некоего бурундука. С тех пор эти полосы и сохраняются. Почему роды причиняют женщине боль? Библия дает на этот вопрос ответ ясный и недвусмысленный: так наказана праматерь Ева, склонившая Адама к нарушению божественного запрета на поедание плодов с древа познания добра и зла. Такова же природа политических мифов. Возьмем в качестве примера вполне современный миф – миф русофобии. Он призван внушить мысль об изначально порочной, злодейской природе России. Наша страна назначена на роль империи зла, цитадели тоталитаризма и перманентного носителя агрессивных устремлений. Крайне полезная идеологема для определенных политических кругов.

Религия. Ей тоже свойственна этиологическая функция, но не в качестве основной. Главное предназначение религии – облегчать человеческие страдания, примирять людей с несовершенствами мира, дарить надежду на спасение души. Благодаря этому религия защищена от успехов просвещения мощной броней. Невзирая на вопиющую нелогичность, религиозное мировоззрение продолжает сохранять влияние на широчайшие народные массы. Не изменяя мир, религия меняет отношение к нему. И для владельцев заводов, газет, пароходов религия приносит несомненную и весьма значительную пользу.

Искусство. Цель искусства – преобразить внутренний мир человека, заставить его облиться слезами над вымыслом, обогатить человека опытом жизни других людей. Для искусства, в том числе и реалистического, вопрос о том, каков мир в действительности, имеет второстепенное значение. Внешний мир для искусства – лишь материал, из которого творческим воображением художника создаются образы, воздействующие на человеческую душу. Мы при-

общаемся к искусству не для того, чтобы узнать, каким законам подчиняются физические или химические процессы, а с целью погружения в иную человеческую реальность, ради обогащения своего личного опыта. В этом, несомненно, огромная польза искусства, и оно существует именно для того, чтобы приносить такую пользу.

Мифология, искусство, религия – эмоционально-образные формы духовного отражения действительности. От них отлично житейски-обыденное познание, которое, подобно науке, оперирует не эмоционально окрашенными образами, а абстракциями. (Конечно, в случае обыденного познания речь идет об абстракциях невысокого уровня. На этом тривиальном обстоятельстве мы не видим необходимости останавливаться.) Однако обыденное познание, как и эмоционально-образные формы духовного освоения действительности, ориентировано на пользу. Понимание объективных свойств предметов внешнего мира не является конечной целью обыденного познания, такое понимание требуется лишь для того, чтобы получить какой-нибудь практический результат. Изготовить порох, например, или вывести новую породу скота. Таким образом, все формы духовного освоения действительности за пределами науки устремлены к пользе.

И в том нет ничего удивительного. Было бы удивительно, если бы дело обстояло иначе. Как совершенно справедливо писал К. Маркс,

«общественная жизнь является по существу практической»⁷⁷.

Это означает, в частности, что общество вправе требовать от своих членов, чтобы они приносили пользу. Иная жизненная стратегия воспринимается общественным сознанием как неоправданная трата ресурсов, а то и как паразитирование.

И лишь одна наука устроена принципиально иначе.

Исторически наука возникла в античной Греции как интеллектуальная игра, смысл которой – не в практической полезности, а в том, что выше всякой пользы, – в истине, точнее, в ее достижении. Египетские жрецы сумели вывести некоторые тайны природы, но не для того, чтобы наслаждаться созерцанием добытой истины, а с вполне практическими целями – определять срок разлива Нила, строить храмы, мумифицировать трупы и т. п. А. П. Огурцов, определяя тот тип знания, который был создан великими древними цивилизациями, вполне правомерно относил их к сакрально-когнитивному комплексу⁷⁸, который образует преднауку, а не науку собственно. Усвоив интеллектуальные достижения своих предшественников, обеспеченные представители античной аристократии отринули утилитарную, прагматическую ориентацию добытых позитивных знаний, освободили их от какой-либо привязки к пользе, ибо видели назначение своей деятельности в том, чтобы возвыситься над плебсом, погруженным в повседневную заботу о хлебе насущном. Нужны были какие-то чрезвычайные обстоятельства (вроде осады Сиракуз в 214–212 гг. до н. э.), чтобы античные мыслители соблаговолили сойти с небесных высот теории на грешную землю практики.

Итак, наука – единственная форма духовного освоения действительности, ориентированная не утилитарно. Эта идея позволяет нам найти тот общий признак, который разграничивает науку и то, что ею не является. Отсюда следует такой вывод: если стрелка компаса, по которому ученый прокладывает курс своего исследования, отклоняется от направления «истина» в сторону направления «польза», то (рано или поздно) происходит выход за пределы науки.

В указанной связи выскажем три замечания.

Первое. Разумеется, в человеческой деятельности, как и в природе, нет резких граней. Существуют отклонения незначительные, не меняющие существа процесса. Но отсутствие резких граней не означает, что граней нет вообще. Многосложность действительности – не повод

⁷⁷ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

⁷⁸ См.: Огурцов А. П. Фундаментальный труд по индийской философии // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 167–174; Его же. Дисциплинарная структура науки, ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. 256 с.

для капитулянтских выводов в духе идеи полипарадигмального подхода. Применительно к социологии этот подход подвергнут справедливой критике А. Н. Малинкиным⁷⁹. Мы вполне солидарны с характеристикой указанного подхода как варианта эклектики⁸⁰. Полагаем, что вывод А. Н. Малинкина правомерен по отношению не только к социологии, но и к любой дисциплине, в том числе и к философии науки. Чтобы не увязнуть в трясине эклектики, нужно иметь общую идею, которая станет для нас надежным ориентиром на пути познания.

Второе. Мы не можем согласиться с мыслью о том, что при обсуждении вопроса о демаркации науки и не-науки проблеме истины необходимо вынести за скобки обсуждения. Такую мысль развивает в своей (в целом интересной и содержательной) статье А. Г. Сергеев⁸¹. Резонно указав на сложность определения понятия истины, он пришел к заключению, что

«<...> лучше не называть научные представления истинами. Вместо этого правильнее пользоваться понятием “научный мейнстрим”, означающим представления, которые на сегодняшний день являются наилучшими по мнению большинства специалистов»⁸².

Но сложность определения истины – еще не повод для того, чтобы впадать в гносеологический пессимизм. А. Г. Сергеев не учитывает то кардинальное обстоятельство, что истина – краеугольный камень, на котором стоит грандиозное здание науки. Если его вынуть, оно завалится, разрушится, превратится в руины.

Третье. Противопоставление пользы и истины в современную эпоху кажется, мягко говоря, несколько странным. Общеизвестно, что наука принесла человечеству колоссальную пользу. Гигантский материальный и культурный прогресс по сравнению с прежними веками налицо, и невозможно оспорить тот факт, что он во многом является результатом развития науки. Наука открывает нам законы объективной действительности, а как ими пользуются люди – это уже другой вопрос. К сожалению, далеко не всегда эти цели созидательны и гуманны.

Действительное соотношение истины и пользы затемняется тем обстоятельством, что в настоящее время направление научных исследований определяется исходя из практических потребностей. Давно прошли те времена, когда наука была занятием лично свободных людей, не знающих материальной нужды и располагающих достаточным досугом, чтобы удовлетворять свою любознательность. В наши дни наука – важнейшая сфера общественной жизни, один из наиболее ответственных и сложных объектов государственного регулирования. Вкладывая немалые средства в науку, государство вправе ожидать от нее отдачи. Государство не может приказывать науке совершить то или иное открытие, но оно в состоянии создать для ученых необходимые условия для движения в определенном направлении. Трудно сказать, как долгие годы путь от открытия цепной реакции деления атомного ядра до создания атомной бомбы, если бы процесс не взяло в свои руки государство. И в США, и в Советском Союзе события развивались по одному сценарию: постановка соответствующей задачи перед научным сообществом, создание ученым максимально благоприятных условий для творчества, концентрация гигантских финансовых, организационных и технологических ресурсов на выбранном направлении. В СССР, кроме того, был использован и такой специфический инструмент государства, как разведка.

⁷⁹ См.: Малинкин А. Н. Полипарадигмальный подход: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос. 2005. № 2 (47). С. 101–116.

⁸⁰ См.: Там же. С. 103.

⁸¹ См.: Сергеев А. Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле. URL: <http://klmran.ru/2015/10/demarcation/>

⁸² Там же. Эта позиция будет нами далее специально разобрана на с. 114–131 настоящей книги.

В рассматриваемом случае мы видим классический пример расхождения сущности и видимости. По видимости наука – социальный институт, назначение которого – приносить обществу пользу. По сути – форма общественного сознания, ориентированная не на извлечение пользы, а на достижение истины.

На примере атомного проекта высвечивается еще одна грань проблемы. Как известно, из всех изотопов урана в самоподдерживающуюся цепную реакцию деления атомного ядра способен вступать лишь уран-235. В природе он встречается только в смеси с другим изотопом – ураном-238. Причем уран-235 в природе содержится лишь в количестве 0,7 % от общей массы урана. (Существует еще природный изотоп уран-234, его доля в общей массе урана составляет всего лишь 0,0055 %.) Необходимо было разработать метод разделения изотопов урана, что потребовало сложных теоретических и эмпирических исследований. Их цель вытекала не из внутренней логики развертывания науки, а из практической необходимости. Это был именно тот случай, когда цель диктуется внешним императивом. В прикладной науке дело всегда обстоит именно таким образом.

Казалось бы, факт существования прикладных разработок опрокидывает тезис о принципиальной ориентации науки на истину. Однако такой вывод был бы поспешным и оттого поверхностным. В действительности ситуация не так проста: в прикладных исследованиях польза выступает не в качестве цели, а в роли фактора, детерминирующего направление научного поиска. Перед ученым простирается океан непознанного. В принципе он волен исследовать ту частичку океана, которая по какой-то причине привлекла его внимание, вызвала познавательный интерес. Но внешняя инстанция (государство, корпорация или еще какая-нибудь) ставит перед ним задачу: изучить именно этот объект, а не иной, познать законы такого-то процесса, а не другого. В случае прикладной науки сущность научного исследования не меняется, меняется инстанция, задающая мотивацию. На смену внутреннему мотиву приходит мотив, диктуемый извне. Это можно трактовать как ограничение свободы, а можно и как ее мобилизацию в определенном направлении. Конечно, такая ситуация способна породить конфликты внутри личности ученого, но это вопрос, не имеющий отношения к сущности науки как формы духовного освоения действительности.

К сущности науки имеет отношение другой вопрос – о праве ученого на ошибку. Как явствует из всего нашего изложения, мы трактуем субъективность ученого как позитивное качество, естественное условие успеха. Но в силу диалектики реальной жизни любое достоинство заключает в себе возможность изъяна. Субъективность может привести к научному открытию, а может и породить заблуждения. Экстраординарная сложность процесса познания приводит порой ученого к ошибкам, к ложным воззрениям. Некоторые типичные ошибки ученых, обусловленные их субъективностью, рассмотрены, например, В. П. Поповым и И. В. Крайнюченко⁸³. Назовем часть из этих ошибок:

«чрезмерное расширение моделей, “маломерность”, игнорирование влияния окружающей среды и экспериментатора; чрезмерное расширение зоны действия простых моделей, линейная экстраполяция каких-либо закономерностей в прошлое или будущее; использование некорректных аналогий; слепое доверие парадигмам, аксиомам, авторитетам, древним мыслителям, мнению большинства»⁸⁴.

Указанные ошибки досадны, но не фатальны. Они существуют в рамках научного познания как определенного вида деятельности. Само по себе совершение таких ошибок не выводит исследователя за пределы науки. В ходе критики или самокритики они преодолеваются, и про-

⁸³ См.: Попов В. П., Крайнюченко И. В. Субъективность и типичные ошибки ученых // Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2008. № 3. С. 366–368.

⁸⁴ Там же. С. 368.

гресс науки продолжается. Добросовестные заблуждения в научном познании – обычное дело. Они происходят в рамках той субъективности, что положена ученому как профессионалу, цель деятельности которого – постижение истины. Иначе говоря, заблуждения в науке не связаны с превышением меры субъективности, естественной для ученого. Если же такое превышение происходит, интеллектуальная деятельность ученого приобретает иное качество: из творчества в рамках науки она превращается в деятельность за этими рамками.

Каковы причины такого нарушения меры? Конечно, наиболее очевидная, лежащая на поверхности причина – непонимание ученым природы науки, недомыслие, проще говоря. Ученый вполне искренне может считать, что задача науки – формирование каких-либо позитивных идеалов в обществе. Патриотизма, например. В советские времена это было особенно заметно на примере историков КПСС. Определенная их часть была убеждена в том, что они – идеологические бойцы партии, призванные воспитывать народ в духе преданности идеалам коммунизма. В нашу задачу не входит оценка этих идеалов. Единственное, что мы в данном случае хотели бы заявить: не следует путать идеологию и науку. Однако во все времена была тьма охотников смешивать два этих вида деятельности⁸⁵.

Наше рассуждение не имеет своей целью покуситься на честь идеологии. Идеология – важнейшая область деятельности, она выступает в роли идейной опоры классов и социальных групп. Идеология определяет стратегию их деятельности, цели, методы и пути их достижения. Далеко не каждый мыслитель в состоянии справиться с задачей выработать идеологическую доктрину, для этого требуются неординарные интеллектуальные качества. Однако у идеологии иная цель, чем у науки. Не следует ставить в вину идеологу его фактический статус. Но заслуживает порицания тот, кто идеологические построения путает (искренне ошибаясь или намеренно вводя в заблуждение – неважно) с научным исследованием.

В тех областях науки, которые далеки от социальных интересов, не существует (в обычных условиях) соблазна подменить науку идеологией. Правда, и в естествознании имеет место вторичная ангажированность, связанная с соперничеством научных школ, борьбой амбиций и т. п. Этот момент превосходно отражен в классическом труде Т. Куна «Структура научных революций», что избавляет нас от необходимости дальнейших пояснений. Однако в естествознании ангажированность носит поверхностный, несущественный характер; и влияние, которое она оказывает на научные исследования, выражено слабо.

Иное дело – социально-гуманитарные науки. Обществовед изучает реалии человеческого бытия, социальную действительность, в которую он сам погружен. Выводы, которые он делает, прямо и непосредственно затрагивают социально-классовые интересы. И не имеет значения, делается это сознательно или ненамеренно. Любая социально-гуманитарная наука имманентно ангажирована, и иначе просто не может быть. Этот вопрос нами рассмотрен, и мы не видим необходимости к нему возвращаться. Конечно, можно погрузиться в описание фактов и фактиков, заниматься их классификацией и систематизацией, чтобы избежать общих выводов, однако это не та позиция, которая соответствует духу науки. Задача науки – отыскание законов в хаосе случайностей, а не коллекционирование фактов. Ангажированность обществоведения не лишает исследователя возможности проявлять свою субъективность в пределах науки. Вопрос заключается в том, насколько строго он следует научной методологии, которая ориентирует ученого на поиск истины. На практике это означает, насколько точно и скрупулезно выполняются им те исследовательские процедуры, которые выработаны веками прогресса научного познания. Сбор фактов, их первичная интерпретация, анализ тенденций, выдвижение гипотез, сопоставление разных подходов, распутывание клубка причинно-следственных связей – все эти элементы входят в комплекс, который можно обозначить как ремесло ученого. И конечно же, в это ремесло входит критика альтернативных подходов, подразумева-

⁸⁵ Вопрос о соотношении идеологии и науки рассмотрен нами на с. 309–328 настоящей книги.

ющая готовность дать ответ на критику в свой адрес. Ученый не может не критиковать других ученых, ибо только так можно снять с истины покров кажимости. Ученый не может не отвечать на критику, ибо в противном случае он оказывается вне круга людей, объединенных стремлением к познанию истины. Избегание критики, уход от нее, может быть, и свидетельствует о житейской осмотрительности человека, но не говорит в его пользу как ученого. Однако ничуть не лучше и противоположная крайность – агрессивная реакция на критику, переход на личности. Неадекватное отношение к научной критике – верный признак того, что человек не принадлежит к числу ученых. По сути он – обыватель, для которого наука является средством приобретения материальных благ. И дело не меняется от того, есть у него ученая степень или нет.

Другой вариант перехода за границы положенной ученому меры субъективности – псевдонаука. Она формируется не только на почве естественных наук, но и на почве общественно-знания. Подробно феномен псевдонауки будет рассмотрен далее⁸⁶, однако логика изложения требует от нас хотя бы эскизного определения данного явления. Для его обозначения используются ряд синонимов: лженаука, квазинаука, паранаука, поп-наука⁸⁷. Не вдаваясь в анализ семантической стороны вопроса, сформулируем собственную точку зрения. Как уже было сказано ранее⁸⁸, мы предпочитаем использовать термин «псевдонаука», поскольку он по сравнению с другими синонимами эмоционально нагружен в минимальной степени. По объему он совпадает с термином «лженаука». А. Г. Сергеев дал такого рода деятельности блестящее определение: «паразитирование на мегабренде науки»⁸⁹. Издаваемый с 2006 г. Комиссией по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН бюллетень «В защиту науки» содержит богатый материал о деятельности псевдоученых. Особенно обильно чертополох псевдонауки произрастает на ниве целительства, ибо здоровье – это такая ценность, которая нужна всем. Энергоинформационная терапия, биорезонансная терапия, гомеопатия, лечение методом «обратной волны»⁹⁰ и многие иные шарлатанские методики лечения используются для того, чтобы очистить карманы доверчивых пациентов от излишка дензнаков.

Но не только обогащение манит слабые души. Есть и иное паразитическое использование бренда науки – удовлетворение тщеславия. В современной России наблюдается постыдное явление: многие люди, занимающие видное общественное положение, – политики, чиновники, бизнесмены, обладатели внушительных состояний – защищают кандидатские и даже докторские диссертации. Но всех превзошел бывший губернатор Хабаровского края В. И. Ишаев. Его научная карьера поражает воображение: в 48 лет он еще не имел даже кандидатской степени, а в 60 стал полным академиком. И это без отрыва от основной деятельности, отнимающей массу времени и требующей предельного напряжения сил! Похоже, в настоящее время ученая степень воспринимается значительной частью политической элиты нашей страны как обязательное приложение к должности, как непременный аксессуар вроде часов ценой во много тысяч долларов. Месье Журден наивно полагал, что стоит ему научиться отличать прозу от стихов, как он тотчас же будет принят в круг французской аристократии. Отечественные мещане

⁸⁶ См. с. 112–118, 131–145.

⁸⁷ См.: Казаков М. А. Псевдонаука как превращенная форма научного знания: теоретический анализ // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. С. 130–148; Кезин В. Е. Идеалы научности и паранаука // *Научные и вненаучные формы мышления*. М.: ИФ РАН, 1996. С. 153–168; Конопкин А. М. Псевдонаука как когнитивный феномен в контексте современной философии науки // *Философия науки*. 2014. № 1 (60). С. 3–15; Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки. Омск: Изд-во ОмГУ, 1996. 187 с.; Егоров А. В. Логические маркеры околонукального знания // *Идеи и идеалы*. 2013. № 4 (18). Т. 1. С. 62–71; Сердюков Ю. М. Альтернатива паранауке. М.: Academia, 2005. 308 с.; Егоров А. В. Критический анализ паранауки. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. 130 с.

⁸⁸ См. с. 13–14.

⁸⁹ Сергеев А. Г. Проблема практической демаркации науки и лженауки на российском научном поле. URL: <http://klrnran.ru/2015/10/demarcation/>

⁹⁰ Шевелев Г. Г. Институт перспективной медицины – или беспредельного обмана? // Бюллетень «В защиту науки». 2008. № 4. С. 154–160.

во власти проявляют такое же простодушие, когда думают, что кандидатский или докторский диплом автоматически открывает им путь в круг настоящих ученых.

Псевдонаука многолика. Она может паразитировать как на естественных науках, так и на общественном знании. Для обозначения последней с легкой руки Д. М. Володихина принято использовать термин фолк-истори⁹¹. Пожалуй, не менее удачен предложенный А. В. Павловым термин «аркаимистика»⁹². Трудно удержаться от желания процитировать следующее его высказывание:

«<...> Гуманитарно-научное знание подменяется сегодня в массовом сознании суеминутной политической идеологией и “исследованиями Аркаима как колыбели русского народа”, разработкой “новой хронологии”, “влиянием цивилизации с планеты Нибиру на древних шумеров”, “инопланетным происхождением египетских пирамид”, сочинениями типа “Тайной доктрины”, “Розы мира”, “Садов Мории” или “Суммы антропологии”, конспирологическими “учениями” о тайном масонском правительстве, бильдербергском клубе и т. д.»⁹³.

Особенно выразителен окказионализм «суеминутный», созданный путем контаминации слов «суета» и «сиюминутный».

Как уже нами отмечено⁹⁴, наряду с псевдонаукой существует как бы наука. Здесь мы сталкиваемся с иным, по сравнению с псевдонаукой, превышением меры «естественной» субъективности ученого. Научная деятельность, как всякая человеческая деятельность, протекает не в социальном вакууме, а в конкретной профессиональной и макросоциальной среде. От ученого требуется демонстрировать определенные достижения: публикации, патенты, ссылки на свои работы, защищенных аспирантов и т. п. Работодатель судит о достоинствах ученого исходя из внешних критериев, и это обстоятельство несомненно влияет на сознание ученого. Реальный путь к достижениям в науке извилист, труден и тернист. И было бы ханжеством осуждать ученого за то, что он, например, торопится опубликовать результаты исследований, не доведя их проверки до конца, убедив себя в том, что плод достаточно зрел. Мотив такого поведения понятен и объясним: нежелание уступать приоритет. Но такой путь может привести к решению публиковать сырые, не прошедшие даже предварительной проверки результаты или вообще их фальсифицировать. А это уже нарушение меры «нормальной» субъективности ученого, перерождение науки в как бы науку. Отсюда не так уж далеко до откровенной халтуры, фабрикаций наукоподобных сочинений, представляющих собой смесь банальностей и нелепостей, фабрикаций диссертаций методом творческого плагиата и тому подобного безобразия.

И псевдоученые, и как бы ученые стремятся не к истине, но к пользе. (Причем не для общества, а для себя любимого.) Не будем останавливаться на «научном творчестве» депутатов, чиновников, нуворишей и прочих представителей властвующей элиты. Тут комментарии не требуются. Но какую пользу наукоподобные изыскания приносят тем, кто к этой элите не принадлежит? В определенных случаях – прямую коммерческую выгоду. Достаточно сравнить тиражи книг настоящих историков и «новых хроноложцев». В других польза выражается в умножении списка публикаций, получении ученого звания, обретении более высокого социального статуса и т. п. Общее правило состоит в том, что имитаторы науки продают не рукопись, а вдохновение.

⁹¹ См.: Володихин Д. М. Феномен Фольк-истори // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: https://sceptsis.net/library/id_148.html

⁹² См.: Павлов А. В. Специфика предметности в гуманитарном познании // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 120.

⁹³ Там же. С. 121.

⁹⁴ См. с. 13–14.

* * *

До сих пор мы рассматривали науку, так сказать, изнутри, как сферу деятельности, направляемую определенным императивом. Необходимо, в связи с его острой актуальностью, коснуться еще одного аспекта проблемы. В настоящее время в сферу науки вовлечены миллионы людей, и уже в силу одного этого факта государство не может оставить ее без внимания. Оно должно брать на себя как создание общих условий, необходимых как для функционирования и развития науки, так и управления ею. Этот аспект проблемы основательно проанализирован Л. В. Шиповаловой⁹⁵. Чиновник, которому поручено руководить наукой, имеет иной менталитет, чем ученый. Кроме того, чиновник, несущий ответственность за расходование государственных средств, не может не озаботиться проблемой эффективности научных исследований. Но как оценить (а лучше измерить) эту эффективность со стороны? Л. В. Шипова-лова выдвигает ряд идей на этот счет: формирование отношения к науке как к

«свободной деятельности, к событию испытания сил с непредсказуемым итогом, предполагающему многообразие условий возможности развития, а также ответственность за результаты»⁹⁶;

к «незавершенному проекту, а не только как к объективированному, отчужденному и в силу этого управляемому и полностью контролируемому знанию»⁹⁷; к «автономной деятельности»⁹⁸, что имеет следствием признание необходимости «следования за учеными и инженерами в управлении наукой»⁹⁹.

А это последнее

«предполагает предоставление права самим научным сообществам определять собственные критерии оценки эффективности научных исследований»¹⁰⁰ (явная описка исправлена. – Р. Л.).

Приходится с сожалением констатировать, что реально существующий в современной России государственный аппарат не следует и, похоже, не собирается следовать данным разумным рекомендациям. Это наглядно видно по реформе РАН. Итогом реформы стало фактическое отстранение научного сообщества как от принятия стратегических решений, так и (в значительной мере) от регулирования текущей деятельности. Фетиш эффективности побуждает чиновников, управляющих наукой, игнорировать субъективность ученых, действовать без учета специфики науки.

Итак, мы рассмотрели субъективность ученого в двух ракурсах: изнутри науки как определенной формы духовного освоения действительности и извне науки как социального института, функционирование и развитие которого регулируется государством. В своем анализе мы исходим из представления, согласно которому деятельность ученого как субъекта научного познания управляется и направляется неутилитарными устремлениями. В пределах этого императива ученый имеет полную свободу выбора методологических ориентиров. Подмена ориентации на истину стремлением к пользе (трактуемой достаточно широко) ведет к откло-

⁹⁵ См.: Шиповалова Л. В. Эффективность науки как философская проблема // Мысль. Санкт-Петербургское философское общество. 2015. Вып. 19. С. 7–18.

⁹⁶ Там же. С. 16.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

нению науки от ее подлинного пути в сторону иных форм духовной деятельности. Недостаток субъективности, боязнь или нежелание высказывать позицию, не согласную с мнением большинства, имеет своим следствием конформизм, творческое бессилие. Переориентация ученого на получение материальных или символических бонусов неминуемо заводит его в болото псевдонауки или как бы науки. В социально-гуманитарных исследованиях субъективность ученого неотделима от его идейной ангажированности. Намеренное или неосознанное сокрытие этой ангажированности означает перерождение науки, превращение в идеологию.

Недоверие чиновников к ученым, к их субъективности, нежелание с нею считаться – почва, на которой процветает управленческий произвол. Научная общественность должна сказать свое веское слово, чтобы оградить науку от некомпетентного вмешательства со стороны лиц, одержимых административным восторгом.

Формы имитации науки¹⁰¹

В последние несколько лет в отечественной науке, особенно в общественном знании, приобрела значительную остроту проблема борьбы с плагиатом. Она существовала и раньше, до того как Россия «вернулась в лоно мировой цивилизации», но не имела характера бедствия, поразившего научное сообщество. В те достопамятные времена фоновый, так сказать, уровень плагиата был весьма невысоким, поскольку не существовало внешнего давления со стороны партийно-государственной элиты. Да и на советскую номенклатуру весьма отрезвляюще действовала угроза разоблачения и неизбежного в таком случае краха всей карьеры. Сейчас времена иные. В российском обществе, освобожденном от оков тоталитаризма, сформировалась небольшая, но очень влиятельная социальная группа, сосредоточившая в своих руках львиную долю национального богатства. Однако членам этой группы мало заработанных непосильным трудом «заводов, газет, пароходов». Им хочется иметь все блага мира – в том числе и ученые степени и звания. И вот мы видим, как депутаты, мэры, чиновники всех рангов, нувориши двинулись в поход за вождельными дипломами. Появился, таким образом, платежеспособный спрос. Не замедлило возникнуть и предложение. Поскольку сказать новое слово в науке задача более сложная, чем купить товар в одном месте и продать его с выгодой в другом, постольку гораздо легче чужой текст приобрести по сходной цене или просто *украсть*. В фирмах, которые занимаются изготовлением диссертаций, трудятся кандидаты и доктора, обладающие отнюдь не сверхъестественными способностями. Их задача – реализовать свой товар. Заказчик же заведомо не имеет квалификации, необходимой для того, чтобы отличить подлинный продукт от суррогата. В результате в осиянной светом свободы России возник рынок услуг, на котором бойко идет торгovelя учеными степенями и званиями.

Этот уродливый нарос на теле науки не может не вызывать справедливого возмущения, и потому вполне понятно стремление честных ученых вывести на чистую воду мошенников. Так, группой энтузиастов создана целая структура Диссернет, которая занимается проверкой на плагиат диссертационных работ. О результатах этих проверок регулярно сообщается на страницах газеты «Троицкий вариант»; пройдясь по ссылке¹⁰², читатель может узнать имена докторов наук и профессоров, участвующих в изготовлении и продвижении липовых диссертаций. Энтузиастами Диссернета проверена лишь малая часть российских вузов, так что нас ждет еще немало интересных открытий. Прогресс информационной техники дал возможность найти противоядие от плагиата, и это позволяет оценивать перспективы борьбы с воровством в науке с обоснованным оптимизмом.

На наш взгляд, институт науки подвергается еще одной опасности, не менее серьезной, чем плагиат. Речь идет об имитации научного исследования. Здесь технические средства бесцельны, требуется конкретный анализ конкретного текста. Этот анализ должен опираться на определенные теоретические предпосылки. Необходимо ответить на вопрос: в чем заключается сущность имитации в науке? Каковы формы этой имитации? Какие признаки научного текста позволяют предположить, что он носит имитационный характер? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Изложение своей позиции мы начнем с примера, который, на первый взгляд, весьма далек от предмета нашего интереса. Прочитаем три отрывка из поэтического сборника одного никому не известного поэта, изданного малым тиражом в далекой провинции (причем ни год издания, ни издательство в выходных данных не указаны)¹⁰³.

¹⁰¹ Опубликовано в журнале «Интеллект. Инновации. Инвестиции» (2015. № 4. С. 80–86).

¹⁰² URL: <http://wiki.dissernet.org/tools/ROSVUZ.html>

¹⁰³ См.: Бочарников В. Вечное возвращение. Комсомольск-на-Амуре, [б. г.].

1

«Генералиссимусом станет не каждый,
Может им стать только отважный,
и если ты не будешь жалким трусом,
то можешь стать генералиссимусом»¹⁰⁴.

2

«Как я хотел бы женщину любить,
ее ужасной красотой до визга упиваться,
и ей одною только наслаждаться,
порыв и страсть к свободе задушить»¹⁰⁵.

3

«Несет меня железный конь судьбы,
плевать ему, что если упаду – не встану,
кровящуюся забрызгав грязью рану,
он вспашет поле жизни, не потеряв бразды.
И хоть кричи ты или смейся,
он не замедлит свой галоп до той поры,
пока вдруг не заметит свежевырытой норы
и, сбросив, скажет: “Не забудь, побрейся!”»¹⁰⁶.

Здесь все настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости давать какие-либо комментарии.

А теперь цитаты из другого источника. На этот раз текст прозаический.

«Вместе с тем, способность к увеличению объемов поглощения товаров городом и поселением вела к увеличению охвата территории новыми товарно-продовольственными базами, которые снабжали город всем необходимым наряду с теми территориями, которые непосредственно примыкали к городскому пространству»¹⁰⁷.

Это уже высказывание не из любительского сборника стихов никому не ведомого автора, а из научной монографии, на основе которой потом была защищена докторская диссертация. Так что эту монографию придется воспринимать всерьез.

¹⁰⁴ Там же. С. 45.

¹⁰⁵ Там же. С. 52.

¹⁰⁶ Там же. С. 55.

¹⁰⁷ Говорухин Г. Э. Власть политики. Власть пространства. Принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке. Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2008. 478 с.

Итак, приступим к чтению. Для начала отметим, что союз вместе с тем не нужно отделять запятой. Но это, конечно, мелкая пунктуационная ошибка. Не станем обращать на нее внимания. Лучше попытаемся понять, что же сказал автор. А сказал он, что способность к увеличению вела к увеличению. Теперь посмотрим на фигурирующее в процитированной фразе словосочетание «увеличение объемов поглощения товаров городом и поселением». Пять существительных подряд! И при этом им еще предшествует существительное «способность», а после соединительного союза *и* тоже идет существительное. Обратим внимание на вторую часть фразы: «...базами, которые снабжали город всем необходимым наряду с теми территориями, которые непосредственно примыкали к городскому пространству». Тут невозможно понять: базы снабжали город и примыкающие к нему территории или же базы вместе с примыкающими к городу территориями снабжали город. Фраза построена так, что открывает возможность как для одного, так и другого прочтения (эта ошибка называется амфиболией).

Прочитруем текст, который непосредственно следует за только что приведенной нами фразой:

«Товарно-продовольственные базы и пункты коммуникативного взаимодействия составляют часть инфраструктуры поселения. С момента их появления начинается осуществление расширения нового пространства вокруг поселения. Вместе с тем, концентрация жителей идет именно в местах первоначальных пунктов заселения территории, что приводит к тому, что территории вокруг этих пунктов не могут осваиваться в полной мере – не хватает рабочих рук. <...> Возникают, как упоминалось выше, почтовые посты, охотничьи угодья, и пр. – пункты, которые возникают путем “выплескивания” некоторой части населения за пределы поселения»¹⁰⁸.

Опять-таки поставлена лишняя запятая после союза вместе с тем, но не станем заострять на этом незначительном факте внимания. Снова имеет место плеоназм, только более явный. Таково выражение «коммуникативное взаимодействие». Оно заставляет предполагать, что есть такое взаимодействие, которое не было бы одновременно и коммуникацией. Во втором предложении употреблено притяжательное местоимение третьего лица множественного числа «их». Но ведь в первой фразе говорится о двух типах объектов – товарно-продовольственных базах и пунктах «коммуникативного взаимодействия». Имеются в виду первые, вторые или и те, и другие? «Расширение нового пространства вокруг поселения» «начинает осуществляться» с момента появления баз, пунктов взаимодействия или тех и других вместе? Этого нельзя понять ни из текста, ни из контекста. Невозможно разобраться, откуда взялось новое пространство, которое вдруг «начало расширяться». Где оно было прежде, до момента, когда появилась та часть инфраструктуры поселения, о которой ведется речь? «Места пунктов» – еще один плеоназм, причем очень колоритный. В третьем предложении поставлена лишняя запятая перед соединительным союзом *и*. Имеется стилистический ляп: «возникают почтовые посты, которые возникают». Охотничьи угодья (обычно занимающие территорию в несколько тысяч или даже десятков тысяч гектаров – такова уж их специфика) причислены к пунктам.

Чтобы убедиться в том, что вода не годится для питья, нет необходимости выпивать целый стакан, достаточно чайной ложечки. Так и в случае поэзии мы оцениваем качество текста не в результате тщательного изучения, а непосредственно, по первому впечатлению. Иное дело – текст, претендующий на то, чтобы его считали научным. Тут требуется внимательное чтение. И тогда мы обнаруживаем и пунктуационные ошибки, и смысловые неувязки, и прочие нелепости. Обычный читатель, настроенный на серьезное восприятие текста и не имеющий практики редактирования, не сразу замечает весь этот мусор в тексте Г. Э. Говорухина, не

¹⁰⁸ Говорухин Г. Э. Указ. соч.

сразу видит, что автор безграмотен, имеет скудное воображение, не понимает элементарных правил связного изложения мыслей. Одним словом, перед нами – явление того же рода, что и в случае со стихами В. Бочарникова, а именно имитация. В первом случае имитируется поэзия, во втором – наука.

Как мы уже отмечали¹⁰⁹, всякое явление культуры существует как в аутентичном (подлинном) виде, так и в виде бездарного муляжа. Подлинное культурное творчество требует таланта или хотя бы соответствующих способностей. Так, сочинение стихов предполагает знание многих вещей, хотя само по себе это знание не гарантирует успеха. Во всяком случае, человек, который обладает минимальными предпосылками для стихотворчества, не сочинит «Как я хотел бы женщину любить,/ Ее ужасной красотой до визга упиваться». Тот, кто профессионально занимается наукой, должен иметь соответствующий культурный багаж. И умение грамотно писать – абсолютно необходимый (и, конечно, далеко не единственный) элемент этого багажа. Если не хватило способностей овладеть этим навыком, то откуда возьмется культурный потенциал, необходимый для научного творчества? Поэтому уделом безграмотного автора остается лишь воспроизведение внешних признаков научности.

Элементарная общекультурная подготовка – базовое условие творчества, в том числе и научного. Но существует и более высокий барьер, который должен преодолеть всякий желающий сказать свое слово в науке. Это барьер общепрофессиональной компетентности, требующий, в первую очередь, понимания мировоззренческих принципов научного мышления. Так что имитация не всегда (и даже далеко не всегда) связана с безграмотностью. Бывает и так, что текст написан вполне связно и даже гладко, но его все равно невозможно числить по ведомству науки.

Проиллюстрируем этот тезис на одном конкретном примере. Речь идет о статье А. Ю. Завалишина «Трансфания как аллегорическое истолкование трансцендентной реальности»¹¹⁰. Название несколько озадачивает, поскольку ни один словарь не содержит слова «трансфания». Этот термин – изобретение А. Ю. Завалишина. Образован он по модели «иерофании» – одного из центральных понятий крупного религиоведа М. Элиаде. Последний комментирует свое нововведение так:

«Для объяснения того, как проявляется священное, мы предлагаем термин иерофания (hierophanie), который удобен прежде всего тем, что не содержит никакого дополнительного значения, выражает лишь то, что заключено в нем этимологически, т. е. нечто священное, предстающее перед нами»¹¹¹.

А. Ю. Завалишин обосновывает свою инновацию следующим образом:

«Стремление выйти за пределы сугубо религиозного осмысления иерофаний, попытка их научно-философского толкования как раз и потребовали от меня введения нового специального термина – трансфания, под которой я понимаю все возможные рефлексии трансцендентной реальности, как религиозного, так и нерелигиозного толка, воспринимаемые человеческим сознанием в виде материальных “вещных” форм (образов, звуков, ощущений, запахов, температурных колебаний и пр.)»¹¹².

¹⁰⁹ См. с. 13.

¹¹⁰ Завалишин А. Ю. Трансфания как аллегорическое истолкование трансцендентной реальности // Когнитивная целостность человека: материалы Между-нар. науч. – практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 24–26 сентября 2012 г.). Комсомольск-на-Амуре, 2012. С. 47–54.

¹¹¹ Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 17.

¹¹² Завалишин А. Ю. Указ. соч. С. 50.

Текст, как видим, написан вполне грамотно, без ошибок. (Простим автору лишнюю запятую после слова «реальности», будем считать ее опiskeй). Если кратко выразить мысль, заключенную в этом определении, то под трансфанией понимается чувственное восприятие трансцендентной реальности. Читатель заинтригован: а что это за реальность такая? Неужели сверхъестественная? А. Ю. Завалишин, надо отдать ему должное, не уходит от вопроса. Он поясняет:

«<...> Речь идет, во-первых, о сакральной трансцендентной реальности как некоем “тонком мире”, который не отражается органами чувств “обычного” человека; во-вторых, о тех видениях и пр., которые не относятся к болезненным состояниям (галлюцинации, бред сумасшедшего), а являются результатом, в который входят по специальным методикам, например, шаманы и экстрасенсы, либо одновременно наблюдаются многими людьми (явления Богородицы, ангелов, святых и т. п.)»¹¹³.

Да, мы не ошиблись. Из пояснения совершенно определенно следует, что автор понимает под трансцендентной реальностью объекты религиозных видений, которые случаются у всякого рода духовидцев и здоровых шарлатанов. Аналогичного типа объекты, возникающие в видениях людей с больной психикой, А. Ю. Завалишин почему-то считает трансцендентной реальностью отказывается. По какой причине – не сказано. Таким образом, мы можем заключить, что трансфания – чувственное восприятие богородицы, ангелов, чертей, духов, демонов полулюдей-полуживотных и прочих представителей «тонкого мира». Надо полагать, и инопланетян тоже, ведь в том грубом мире, который доступен чувствам «обычного» человека (кстати, зачем автор поставил это слово в кавычки?), никаких таких существ не наблюдается. В общем, перед нами простодушная сказка о запредельном мире, наукообразное воспроизведение веры в существование сверхъестественного. Вот еще одно заявление А. Ю. Завалишина, которое недвусмысленно указывает на то, что наша оценка верна:

«Исходное утверждение состоит в том, что, по крайней мере, часть того, что принято относить к трансцендентной реальности (так называемый “тонкий мир” существует реально, т. е. объективно, так же как мир “вещей”, но рефлексруется людьми особым образом, существенно отличающимся от перцепции объективной реальности»¹¹⁴.

И что это за «особый образ», коим люди «рефлексируют» обитателей потустороннего мира? Это, оказывается, аллегория. Следовательно, механизм восприятия по А. Ю. Завалишину таков: экстрасенсы, духовидцы и прочие мистики созерцают всю эту трансцендентную публику не непосредственно, во всей ее цветущей плоти, а опосредованно, в виде намеков. Остается только определить, чем архангел Гавриил в голове психически нездорового человека принципиально отличается от того же архангела, существовавшего в голове Марии в тот момент, когда он явился со своей деликатной миссией. Таких объяснений в статье А. Ю. Завалишина мы не нашли, что нас несколько разочаровало. Ну, а если говорить серьезно, то от автора, который не понимает, в чем состоит принципиальная разница между наукой и мистикой, который под видом науки преподносит публике поповские рассказы, нельзя требовать много.

И хотя А. Ю. Завалишин, в отличие от Г. Э. Говорухина, пишет грамотно, перед нами – тот же случай. Труды Г. Э. Говорухина надежно защищены от прочтения их феноменальным косноязычием (и, добавим, объемом). Язык и стиль процитированной статьи А. Ю. Завалишина никаких препятствий для чтения не создают, поскольку и с орфографией, и с пунктуа-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 51.

цией, и со стилистикой в ней дело обстоит достаточно благополучно. Но статью эту, конечно, тоже нельзя числить по ведомству науки. Здесь отступление от норм научности происходит на ином, концептуальном, уровне.

Каждое явление духовной жизни обладает какими-то внешними признаками, и они (с большим или меньшим трудом) поддаются имитации. Имитация может быть искусной или топорной, но она все равно остается имитацией, поскольку в ней претензия не совпадает с реальным результатом. Поэзия не сводится к рифме и размеру, поэзия есть особым образом организованная система образов, эстетически приподнимающая нас над обыденностью. Так же и наука. В науке требуется соблюдать определенные каноны изложения: формулировать тезис, приводить аргументы, делать ссылки и отсылки и т. д. Но это только внешний антураж. Сущность науки – в движении мысли к объективной истине, в поиске все более глубокой сущности. Дело, таким образом, не в канонах, а в характере той интеллектуальной деятельности, результаты которой оформляются в виде статей, докладов, монографий и т. п. Наука позволяет проникнуть под покров видимости, преодолев тем самым предрассудки обыденного сознания и избавившись от всякого рода мракобесия. Это можно рассматривать как аналог эстетического возвышения личности над миром обыденности, которое мы наблюдаем в искусстве.

Прецедент Г. Э. Говорухина есть проявление, так сказать, наивной, примитивной, безыскусной имитации, которая обусловлена тем, что у автора отсутствует минимальная культурная база для творчества. Случай А. Ю. Завалишина – иного рода. Здесь имитация обусловлена непониманием элементарных принципов научного мышления. В данном случае мы имеем дело с имитацией обыкновенной.

Обычно именно эта последняя под именем псевдонауки и является предметом научного анализа¹¹⁵. Такое видение вопроса обусловлено, вероятно, тем, что наивная имитация – явление редкое, почти экзотическое. Чтобы элементарно безграмотный автор получил трибуну в науке, необходимо сочетание трех условий: счастливая уверенность одного в глубине собственных познаний, безответственность редакторов, беспринципность рецензентов. Чаще всего безграмотный текст либо отвергается на стадии предварительного рассмотрения квалифицированными экспертами, либо «причесывается» (а фактически полностью перерабатывается) редакторами научных изданий.

Но наряду с этими двумя формами имитации науки существует и третья, которую не так просто диагностировать.

Что конкретно имеется в виду? Следуя принятому нами способу изложения, обратимся к реальному примеру.

Предоставим читателю возможность осмыслить и оценить по достоинству следующее высказывание:

«Жертва, дар и обмен – в такой и только такой последовательности может разворачиваться совместное человеческое бытие. В начале всего идет жертва, но обстоятельства начала почти всегда утрачены. Последующий принцип экзистенциально модифицирует, включает в себя, сминает предыдущий. Поскольку человек “перед лицом другого” обрел возможность символического выражения своего внутреннего опыта и тем самым приобрел свое собственное тело, то обратный путь к жертвенной сопринадлежности закрыт. Символический порядок жизни передается от одного человека к другому только в форме дара. В своей полной обыденности таким даром является простая беседа, а еще раньше – тот односторонний заботливый разговор, который ведет с ребенком мать. Если экзистенциальным планом жертвы

¹¹⁵ См.: Конопкин А. М. Псевдонаука как когнитивный феномен в контексте современной философии науки // Философия науки. 2014. № 1 (60). С. 3–15.

является забота (в первую очередь забота о своем ближнем), то планом дара – приглашение к общему для нас (людей) смысловому миру, а это и есть мир общего языка, ритуала, символа и знака. Жертва есть жертва субстанцией жизни – временем. Время (жизнь) приносится в жертву или тратится во имя кого-то или чего-то. Но жертва не есть дар. Дар то, что покоится в “несущей ладони жизни”. Однако тот, кто несет дар, может забыть или не видеть, что он – несущий. Дарящий, как правило, не видит себя жертвующим»¹¹⁶

¹¹⁶ Ячин С. Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 72–73.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.